

№ 3 (3) 2025

Қазақстан Республикасы
Ғылым және жоғары білім министрлігі
Ғылым комитетінің «Мемлекет тарихы институты» РММ

Journal of **CENTRAL ASIAN HISTORY CULTURE AND POLITICS**

**ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ТАРИХЫ,
МӘДЕНИЕТІ, САЯСАТЫ**

Journal of CENTRAL ASIAN HISTORY CULTURE AND POLITICS

2025 жылдан бастап
әр тоқсан сайын жарық көреді

Бас редактор
Нұрбек Пұсырманов,
ҚР ҒЖБМ ҒК «Мемлекет тарихы
институтының» директоры, Ph.D

Жауапты редактор
Р.Е. Асылгожина

Ғылыми редактор
Е.Р. Аманғосов

Дизайнер
К. Кабдулина

Редакция мекенжайы:
Қазақстан Республикасы,
010000, Астана қаласы,
Бөкейхан көшесі, 1а

E-mail: office@centralasia-journal.kz

Журнал Қазақстан
Республикасының
Мәдениет, ақпарат және қоғамдық
келісім министрлігінде 2024 жылғы
23 тамызда тіркеліп,
тіркеу туралы № KZ44VPY00099147
күәлік берілген.
eISSN: 3104-459X (online)
doi.org

РЕДАКЦИЯЛЫҚ ҰЖЫМ

ПҰСЫРМАНОВ Нұрбек – Редакция алқасының
төрағасы, ҚР БҒМ ҒК Мемлекет тарихы институтының
директоры, Ph.D

ҚАРАСАЕВ Ғани – Редакция алқасы төрағасының
орынбасары, ҚР БҒМ ҒК Мемлекет тарихы
институтының Деректану, тарихнама және Отан тарихы
бөлімінің басшысы, тарих ғылымдарының докторы

АКСАКОЛОВ Султонбек – Орталық Азия
университетінің әлеуметтік және гуманитарлық
ғылымдар кафедрасының профессор ассистенті
(Тәжікстан Республикасы)

ҒАУР Пунит – Үндістанның Сыртқы Істер Министрлігі
Дүниежүзілік істер Кеңесінің Ғылыми Қызметкері, Ph.D
(Үндістан)

ДЖУМАШЕВ Аскар - тарих ғылымдарының докторы,
Өзбекстан Республикасы Ғылым Академиясының
Қарақалпақ гуманитарлық ғылымдар ғылыми-зерттеу
институтының профессоры

ДОҒАН Ерхан – Мармара университетінің профессоры
(Түркия Республикасы)

ЕҢСЕНОВ Қанат – Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық
университетінің қауымдастырылған профессоры

ЖОЛДЫБАЛИНА Алуа – ҚР Президенті жанындағы
Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты
директорының орынбасары, Ph.D

КИДИРНИЯЗОВ Даниял - РФА Дағыстан федералды
зерттеу орталығының тарих, археология және
этнография институтының профессоры (Ресей
Федерациясы)

МАЛИКОВА Әсел - Күләш Байсейітова атындағы
Қазақ ұлттық өнер университетінің доценті, Ph.D

РАХИМОВ Набиджон – Худжанд мемлекеттік
университетінің археология, этнография және дінтану
кафедрасының профессоры (Тәжікстан Республикасы)

САИДОВ Ильхомжон - Шароф Рашидов атындағы
Самарқанд мемлекеттік университетінің тарихнама
және деректану кафедрасының профессоры
(Өзбекстан Республикасы)

САЛМОРБЕКОВА Рита – И. Абдраимов атындағы
Қырғыз авиациялық институтының профессоры
(Қырғыз Республикасы)

СНЕЛЛЕР Рико – Психологияны терең зерттеу
академиясының профессоры (Нидерланды)

ТРЕВИЗАНИ Томмазо - Неаполь Л'Ориенталь
университетінің қауымдастырылған профессоры
(Италия)

ТУЛЕБАЕВА Меруерт – Гумилев атындағы Еуразия
Ұлттық университетінің доценті, с.ғ.к.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПҰСЫРМАНОВ Нұрбек – Председатель редакционной коллегии, директор Института истории государства КН МОН РК, Ph.D

Карасаев Гани – Заместитель председателя редакционной коллегии, руководитель отдела источниковедения, историографии и отечественной истории Института истории государства КН МОН РК, доктор исторических наук

АКСАКОЛОВ Султонбек – Ассистент профессора кафедры социальных и гуманитарных наук Центрально-Азиатского университета (Республика Таджикистан)

ГАУР Пунит – Научный сотрудник Совета по Всемирным делам Министерства иностранных дел, Ph.D (Индия)

ДЖУМАШЕВ Аскар – Доктор исторических наук, профессор Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан

ДОГАН Ерхан – Профессор Университета Мармара (Турецкая Республика)

ЕНСЕНОВ Канат – Ассоциированный профессор Евразийского национального университета имени Гумилева

ЖОЛДЫБАЛИНА Алуа – заместитель директора Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, Ph.D

КИДИРНИЯЗОВ Даниял – Доктор исторических наук, профессор Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (Российская Федерация)

МАЛИКОВА Асель – Ph.D, доцент Казахского национального университета искусств имени Күләш Байсейітовой

РАХИМОВ Набиджон – Профессор Худжандского государственного университета (Республика Таджикистан)

САИДОВ Ильхомжон – Профессор кафедры Историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета имени Шарофа Рашидова (Республика Узбекистан)

САЛМОРБЕКОВА Рита – Профессор Кыргызского авиационного института им. И. Абдраимова (Кыргызская Республика)

СНЕЛЛЕР Рико – Профессор Академии глубинной психологии (Нидерланды)

ТРЕВИЗАНИ Томмазо – Ассоциированный профессор Неаполитанского университета Л’Ориенталь (Италия)

ТУЛЕБАЕВА Меруерт – к. п. н., доцент Евразийского национального университета им. Гумилева

EDITORIAL TEAM

PUSSYRMANOV Nurbek – Chairman of the Editorial Board, Director of the Department of the Institute of State History of the KN of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Ph.D.

KARASSYAEV Gani – Deputy Chairman of the Editorial Board, Head of the Department of Source Studies, Historiography and National History of the Institute of State History of the KN of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Historical Sciences

AKSAKOLOV Sultonbek – Assistant professor of the Department of Social Sciences and Humanities of the Central Asian University (Republic of Tajikistan)

GAUR Punit – Research Fellow at the Indian Council of World affairs, Ministry of External Affairs Ph.D. (India)

DZHUMASHEV Askar – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Karakalpak Scientific Research Institute of Humanities of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan

DOGAN Yerhan – Professor at Marmara University (Republic of Turkiye)

YENSSENOV Kanat – Associate Professor at the L.N. Gumilyov Eurasian National University

ZHOLDYBALINA Alua – Deputy Director of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan

KIDIRNIYAZOV Daniyal – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation)

MALIKOVA Assel – Associate Professor at the Kulyash Bayseyitova Kazakh National University of Arts

RAKHIMOV Nabidjon – Professor at Khujand State University (Republic of Tajikistan)

SAIDOV Ilkhomjon – Professor at the Department of Historiography and Source Studies at the Sharof Rashidov Samarkand State University (Republic of Uzbekistan)

SALMORBЕКОВА Rita – Professor at the I. Abdraimov Kyrgyz Aviation Institute (Kyrgyz Republic)

SNELLER Rico – Professor at the Academy of Depth Psychology (Netherlands)

TREVISANI Tommazo – Associate professor at the University of Naples L’oriental (Italy)

TULEBAYEVA Meruert – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Gumilyov Eurasian National University

МАЗМҰНЫ

Иномжон Мамадалиев Орталық Азиядағы «ұлы ойын» ұғымын қалыптастыру	7
Дәметкен Сүлейменова Жаһанша Досмұхамедов – тәуелсіздік жаршысы	20
Читра Раджора Қазақстанның сыртқы саясаты және халықаралық мойындалуы (1991–2019)	41
Нұржан Қоңырбаев, Бағдаулетова Асия Қазақстан-Түркия арасындағы ғылыми байланыстар 1991-2022 жж	61
Жанат Момынқұлов Орталық Азия – жаһандық мүдделер тоғысқан кеңістік және өзгермелі геосаясаттың келешегі мен тәуекелдері	68
Майя Урузғалиева, Венера Жексембекова Қазақстан Республикасының Президент жолдаулары мемлекеттік басқару жүйесінде саяси бағытты қалыптастыру мен бейнелеудің тетігі ретінде	79
Гаухар Даулетова, Кулипа Байсултанова Халықаралық жобалар аясындағы елдер арасындағы ынтымақтастық пен өзара іс-қимылдың өзекті мәселелері	90

СОДЕРЖАНИЕ

Иномджон Мамадалиев Формирование концепции «большой игры» в Центральной Азии	7
Даметкен Сулейменова Жаханша Досмухамедов – провозглашатель независимости	20
Читра Раджора Внешняя политика Казахстана и международное признание, 1991-2019 годы	41
Нуржан Конрбаев, Асия Багдаулетова Научные связи между Казахстаном и Турцией 1991-2022 гг	61
Жанат Момынкулов Центральная Азия как растущий регион глобального интереса: перспективы и риски в меняющейся геополитике	68
Майя Урузгалиева, Венера Жексембекова Послания Президента Республики Казахстан как инструмент формирования и отражения политического курса в системе государственного управления	79
Гаухар Даулетова, Кулипа Байсултанова Актуальные проблемы сотрудничества и взаимодействия стран в рамках международных проектов	90

CONTENTS

Inomjon Mamadaliyev Constructing the concept of the «Great game» in Central Asia	7
Dametken Suleimenova Zhakhansha Dosmukhamedov – a proclaimer of independence	20
Chitra Rajora Kazakhstan’s foreign policy and international recognition (1991-2019)	41
Nurzhan Konrbayev, Assiya Bagdauletova Scientific relations between Kazakhstan and Turkey in 1991-2022	59
Zhanat Momynkulov Central Asia as a growing region of global interest: prospects and risks in a changing geopolitical landscape	68
Maiya Uruzgaliyeva, Venera Zheksembekova Presidential addresses of the Republic of Kazakhstan as a mechanism for the formation and reflection of political course in the system of state governance	79
Gaukhar Dauletova, Kulipa Baissultanova Current problems of cooperation and interaction between countries in the framework of international projects	90

IRSTI
03.09.31

Inomjon Mamadaliyev

*Doctor of Historical Sciences, Professor
Department of World History, Khujand State University
Khujand, Tajikistan
m_inom2006@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0009-5794-1913>*

CONSTRUCTING THE CONCEPT OF THE «GREAT GAME» IN CENTRAL ASIA

Annotation. The study of the problem of Anglo-Russian relations in Central Asia and the Middle East has a fairly solid history. Various aspects of this issue have been considered in both domestic and foreign historiography. At the turn of the XIX-XX centuries, when the events of Anglo-Russian relations ceased to cause fierce disputes, quite serious scientific research began to come out, for which the source base was much wider, and certain results of the studied processes were evident.

Kipling's famous expression «East and West will never come together» has been confirmed many times, but has been refuted many times, especially by researchers of modern and modern times. And this is understandable, because the process of the most intense rapprochement, or rather active contacts, despite the fact that it was the result of wars, began in the XIX century. This was determined, first of all, by the colonization of Central Asia by the Russian Empire. This issue has almost always been studied one-sidedly: in the Soviet period, as unambiguously positive, it was called the annexation of Central Asia to Russia, which brought civilization and culture here, as it was believed, in the modern period – as unambiguously negative, and is interpreted as the transformation of Central Asia - called Turkestan in the colonial period into a colony and its economic enslavement.

Keywords: *Great Game, geopolitics, geostrategy, Central Asia, East and West, emissaries and agents, colonization.*

Иномжон Мамадалиев

ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ «ҰЛЫ ОЙЫН» ҰҒЫМЫН ҚАЛЫПТАСТЫРУ

Аңдатпа. Орталық Азия мен Таяу Шығыстағы ағылшын-орыс қатынастары мәселесін зерттеу елеулі тарихқа ие. Бұл мәселенің әртүрлі қырлары отандық та, шетелдік те тарихнамада кеңінен қарастырылған. XIX–XX ғасырлар тоғысында ағылшын-орыс қатынастарының оқиғалары өткір пікірталас тудырмайтын жағдайға жеткенде, бұл тақырыпқа арналған алғашқы ауқымды ғылыми еңбектер жарық көре бастады. Ол кезде зерттеу жұмыстарының дереккөздік базасы едәуір кеңейіп, қарастырылып отырған үдерістердің нақты нәтижелері де айқындалған еді.

Киплингтің әйгілі «Шығыс пен Батыс ешқашан тоғыспайды» деген сөзі көптеген рет дәлелденсе де, соңғы және жаңа кезең зерттеушілері оны бірнеше рет жоққа да шығарған. Бұл – заңды құбылыс, себебі екі тарап арасындағы ең белсенді жақындасу, дәлірек айтқанда, қарқынды байланыстар XIX ғасырда басталды. Бұл үдеріс, ең алдымен, Ресей империясының Орта Азияны отарлауымен байланысты болды. Аталған мәселе көп жағдайда біржақты сипатта зерттелді: кеңестік кезеңде бұл оқиға тек оң тұрғыдан бағаланып, Орта Азияның Ресейге қосылуы деп аталды және бұл аймаққа мәдениет пен өркениет әкелді деп есептелді. Ал қазіргі кезеңде бұл үдеріс көбінесе теріс тұрғыдан бағаланып, Түркістан деп аталған аймақтың отарлыққа айналуы және оның экономикалық тұрғыда тәуелділікке түсуі ретінде қарастырылады.

Түйін сөздер: «Ұлы ойын», геосаясат, геостратегия, Орталық Азия, Шығыс пен Батыс, эмиссарлар мен агенттер, отарлау.

Иномджон Мамадалиев

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ «БОЛЬШОЙ ИГРЫ» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. Изучение проблемы англо-русских отношений в Центральной Азии и на Среднем Востоке имеет достаточно солидную историю. Разнообразные аспекты этого вопроса рассматривались как в отечественной, так и в зарубежной историографии. На рубеже XIX–XX веков, когда события англо-русских взаимоотношений перестали вызы-

вать ожесточенные споры, начали выходить вполне серьезные научные исследования, для которых и источниковая база была намного шире, и определенные результаты изучаемых процессов были налицо.

Известное выражение Киплинга «Восток и Запад не сойдутся вовек» много раз находило свое подтверждение, но много раз и опровергалось, особенно, исследователями нового и новейшего времени. И это понятно, потому что процесс самого интенсивного сближения, вернее активных контактов, несмотря на то что это было результатом войн, начался в XIX в. Это определялось, в первую очередь, колонизацией Российской империей Средней Азии. Этот вопрос почти всегда изучался односторонне: в советский период, как однозначно позитивный, и назывался присоединением Средней Азии к России, принесшей сюда, как считалось, цивилизацию и культуру, в современный период – как однозначно отрицательный, и трактуется, как превращение Средней Азии – именуемой в колониальный период Туркестан в колонию и его экономическое закабаление.

Ключевые слова: «Большая игра», геополитика, геостратегия, Центральная Азия, Восток и Запад, эмиссары и агенты, колонизация.

INTRODUCTION

The phenomenon known as the «Game of Shadows», or more commonly referred to in historical and political scholarship as the «Great Game», continues to captivate researchers due to three primary factors: (1) its chronological scope, (2) its geographical expanse, and (3) the enduring relevance of the global actors involved. The absence of a scholarly consensus, both historically and in contemporary discourse, underscores the complexity of this topic. In my view, these divergences arise from differing theoretical and ideological frameworks employed by researchers.

RESEARCH METHODS

Most historians, from a methodological perspective, remain outside the realm of

postcolonial critique. Their analyses, both temporally (in terms of historical scope) and spatially (in terms of geographic focus), are often confined to narrow segments. Moreover, many scholars addressing the «Great Game» have not treated it as the primary object of their research. Additionally, there has been a notable lack of engagement with theoretical frameworks—particularly ideological ones – as analytical tools for elucidating

the problem. For instance, the application of «political theory», which offers an analytical and methodological examination of key political paradigms, or «political realism», a foundational theory in international relations, has been largely absent. In a geopolitical context, the «Heartland Theory» would serve as an apt starting point for analyzing the clash of interests among global empires. The integration of such theoretical frameworks provides a robust foundation for substantiating hypotheses as historical truths.

This study proposes several hypotheses concerning the «Great Game»: (1) Can it be defined geographically? (2) Does it encompass military-political dynamics? (3) How should it be delineated spatially and temporally – that is, when did it begin and end, and within what historical and geographical contexts did it unfold? These questions are supported by historical evidence and the diverse approaches of various scholars.

RESULTS AND DISCUSSION

Reflecting on the concept of the «Great Game», which continues to provoke debate and engages contemporary scholars – including myself – I offer several observations. Much of the scholarly focus has centered on the rivalry between two empires – Britain and Russia – in Central Asia. However, I contend that such a narrow framing oversimplifies and distorts the broader historical dynamics. Regrettably, domestic scholarship has produced relatively few works dedicated to the «Great Game» in Central Asia, and those available often exhibit a one-sided perspective. During the Soviet era, foreign interpretations, which frequently addressed issues neglected by official Soviet historiography, were dismissed as «bourgeois historiography», subjected to blanket criticism, and remained largely inaccessible to Soviet academics.

It is worth noting that the «Great Game», particularly Russia's interactions with Central Asia during the colonial period, has been the subject of considerable research in both Soviet and post-Soviet scholarship. As early as the 19th century, during the emergence and peak of Central Asian geopolitics, this topic was extensively debated by politicians, diplomats, military figures, and others. Given the vast body of literature, I will restrict my references to key works. A notable example is N.A. Khalfin's *Russia's Policy in Central Asia (1857–1868)* (1960, 272), which meticulously examines the motivations behind Russia's colonial policy, its economic benefits, and the inevitability of rivalry with the British Empire. Other significant contributions addressing Russia's annexation of Central Asia and its confrontation with Britain include works by F.Kh. Yuldashbayev (1963, 181), E.L. Shteinberg (1951, 212),

G.A. Khidoyatov (1969, 456), P.P. Ivanov (1958, 247), G.A. Akhmedzhanov (1995, 217), O.R. Ayrapetov (2018, 904), S.N. Brezhneva (2012, 26–31), M.K. Baskhanov (2015, 328), and others. However, many of these studies are ideologically driven and reflect class-based perspectives. Post-independence scholarship has sought to move beyond such ideological constructs, though it often remains framed within an imperial lens. Tajik scholars, including B.I. Iskandarov (1961, 84–103), Kh. Pirumshoev (2005, 282–378), V.V. Dubovitskii (1998, 89), I.A. Mamadaliev (2013, 400), Mohammadreza Khamedi (2013, 154), M.M. Alimshoev (2003, 26], A.V. Postnikov (2003, 205], R. Masov (2005, 288), and the collective academic volume *History of the Tajik People* (2010, 1123), have also contributed significantly to this discourse.

The 19th century was marked by a series of international events of global significance, yet the military-political confrontation in Central Asia holds particular interest for contemporary regional studies scholars. Central Asia remains one of the most intriguing, strategically vital, yet understudied regions of the world. As a historical crossroads of civilizations and a geostrategic hub in Eurasia, it continues to be a source of geopolitical tension.

To begin, certain terminological issues in the historiography of the «Great Game» require clarification. The territory where Anglo-Russian rivalry unfolded has been described using various terms. Post-Soviet scholarship frequently employs «Middle East» and «Middle Asia», while Western scholarship prefers «Central Asia». This inconsistency complicates comparative analysis of sources and literature. To avoid confusion, I propose using «Central Asia» within a specific geographic scope: Western Turkestan (modern Tajikistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan, and Uzbekistan), Eastern Turkestan (modern Xinjiang), contemporary Afghanistan, and northeastern Iran (Khorasan Province). The UNESCO definition of Central Asia is broader. However, the «Great Game» project, both geographically and diplomatically, extends beyond these boundaries and intersects with the broader «Eastern Question». Thus, for geopolitical analysis, «Central Asia» is the most suitable term, as the region has historically been – and remains – a zone of strategic competition among global powers, including Russia, the United States, major European states, China, Turkey, Pakistan, India, and Iran. These actors have intensified efforts to secure geopolitical and geo-economic advantages, focusing on establishing transport corridors, accessing energy resources, and securing other strategic assets.

It was in this geopolitical arena that serious rivalry between the Russian and British empires emerged in the 19th century, profoundly shaping the development of Central Asian states and marking the onset of a confrontation

between continental and maritime powers. Central Asia's strategic significance arose when territorial ambitions and hegemonic contests in Europe reached an impasse due to the proliferation of competing actors (Gabdurashitova 2009).

Meanwhile, colonial expansion in the Western Hemisphere was concluding, as independence movements in the Americas bore fruit. Consequently, empires that lost their Western colonies redirected their ambitions eastward with renewed vigor, crafting various ideological metaphors to justify their pursuits. Although many scholars frame the «Great Game» as a bipolar contest between Russia and Britain, the reality was far more complex.

As S.B. observes: «This «game» involved two of the largest empires of the time – the British and the Russian. The confrontation persisted until the early 20th century, culminating in the 1907 Convention delineating spheres of influence in Iran, Afghanistan, and Tibet. Some researchers extend its chronological scope to include Anglo-Soviet tensions in Central Asia, Afghanistan, and Iran during the 1920s and 1930s» (Panin, 2001).

John Morris emphasized: «The most vulnerable point of the British Empire was the northwestern frontier of India – the cradle of the 'Great Game'... At various times, British strategists viewed Persia or Turkey as the 'key to India,' but the classic «Great Game» unfolded in Afghanistan, where the British constantly perceived threats from the Russian Empire, advancing toward Bukhara and Khiva» (Morris, 260). To legitimize their imperial ambitions, ruling elites crafted ideological paradigms to mobilize public support and transform citizens into agents of expansion. Lord Curzon articulated this vision: «India is a fortress, surrounded on two sides by the ocean as a moat, and on the third by mountains. Beyond lies a glacis of varying depth. We do not seek to occupy it, but we cannot allow it to fall into enemy hands. We prefer it remain in the hands of allies and friends. But should hostile influences penetrate behind our lines, we will act. This is the secret of our position in Arabia, Persia, Afghanistan, Siam, and Tibet» (Radek, 1934). He further stated: «India is the center of our empire. If we lose any other possession, we may survive; but if we lose India, the sun of our empire will set» (Dutt, 1948). In Russian discourse, similar paradigms existed: «If India was Britain's «gold mine», then Bukhara was Russia's 'Athens of Central Asia,' and Khiva its 'Gibraltar of Greater Tartary» (Matvievsky, 1969).

By the late 19th century, following Germany's unification and rising militarism, the «German factor» significantly influenced not only British but also Russian and other European foreign policies. Peter Hopkirk notes:

«Many in Britain realized that armed conflict with Germany was becoming inevitable. Russia, too, was concerned about threats to its interests, fearing Berlin's growing influence in Constantinople, which controlled its Black Sea access, and Kaiser Wilhelm's designs on the mineral-rich Caucasus» (Hopkirk, 431). German intelligence, under the guise of commercial agents, actively engaged in both the Caucasus and Central Asia. This German factor catalyzed Anglo-Russian rapprochement, culminating in the 1907 Anglo-Russian Convention, which delineated spheres of influence in Persia, Afghanistan, and Tibet (Hopkirk, 431).

However, many British scholars in the late 20th century downplayed the significance of the 1907 Convention, noting that tensions in Central Asia persisted even during the World War I alliance and continued to shape regional dynamics. They view the agreement as one of several Anglo-Russian accords on spheres of influence, many of which were repeatedly violated. These scholars emphasize that rivalry persisted post-1907 and post-1917 Russian Revolution, subsiding only on the eve of World War II (Klein, 126–147).

The motivations behind the «Great Game» in the 19th century, from a Western perspective, were rooted in Europe's technological, economic, and scientific dominance, coupled with a perceived civilizational superiority over Eastern societies. Europeans often disregarded Eastern social and governmental structures, imposing their own models, as they had in the Western Hemisphere. The term «gunboat diplomacy» emerged, symbolizing the use of naval power to subdue even powerful states. Central Asia's buffer status between Russian and British territories further fueled the «Great Game». However, elements of this rivalry predate the 19th century, rooted in Central Asia's historical and geopolitical multidirectionality (Kazantsev, 4).

This multidirectionality allowed external powers to leverage deep historical ties to the region (Kazantsev, 4).

In the Russian-British confrontation at the beginning of the 19th century, we can already see the outlines of the 'Great Game' that unfolded in the second half of the century. (Postnikov, 205]. A notable episode was the 1800–1801 plan by Napoleon Bonaparte and Tsar Paul I for a joint Franco-Russian expedition to India. This threat materialized when Russia, after withdrawing from the Second Anti-French Coalition, considered Napoleon's proposal for a campaign modeled on his Egyptian expedition (Mitrofanov, 130–145). Later, Napoleon and Alexander I revived the plan, though it, too, failed to materialize (Porokhov, 68).

Nonetheless, the initiative led to the mobilization of the Don Cossack Host on 12 January 1801, dispatched toward India via Central Asia. The

Cossacks endured significant hardships until, on 23 March, news of Paul I's death and Alexander I's order to return reached them in Saratov province.

The historical significance of this plan, despite its failure, lies in its role as both the initial act and a pivotal moment in Russia's entry into the «Great Game». It also highlights France's interest, which reemerged after the Napoleonic Empire's collapse. Through its East India Company (established in 1664), France held territories in India. The plan's duality reflects each party's hidden ambitions: France sought to pursue colonial claims in Asia to expel Britain, while also diverting Russia from Eastern European affairs; Russia aimed to advance into Central Asia, fortify its southern borders, and prevent British incursions, particularly as Britain's East India Company in Calcutta planned invasions of Afghanistan and Herat to penetrate Central Asia.

Herat became a focal point of contention among four powers (notably four, indicating an expanding number of actors, as I.M. notes), having transitioned from Persian control to independence in the 18th century and aligning with Afghanistan. Though it lost its former commercial prominence, Herat retained strategic importance, disputed by Afghanistan and Iran. Britain, fearing a Russia-backed Persia, actively engaged in the issue. Russia sought to restrain the Shah, wary of British-Afghan conflict, but in October 1837, Persian forces under Muhammad Shah besieged Herat. Some scholars view this as a demonstrative act, but Russia was drawn in due to the Shah's demand for a Russian corps of deserters and defectors (Niyazmatov, 313–389).

Britain aimed to isolate Afghanistan from Bukhara and Khiva, prevent Persian involvement, and form an anti-Russian Muslim coalition in the Eastern Caspian (Vasiliev, 3).

This policy alienated Dost Mohammad Khan, whose disillusionment, expressed to Alexander Burnes, led to his oscillation between Russian and British alliances and eventual conflict with Britain: «I see that England does not value my friendship. I knocked at your door, but you rejected me. True, Russia is far, but through Persia... it may aid me... I expected much from your government... Now I am convinced; I attribute this not to England's disfavor, but to fate» (Neumann, 32–34).

S.N. Yuzhakov notes: «While Britain sought to transform Afghanistan into a bulwark for India, Russian officer Vitkevich infiltrated Kabul, was warmly received by Dost Mohammad, and persuaded him to seek a Russian alliance» (Yuzhakov, 177).

British emissary activity intensified in Asia, with tensions rising at any Russian advance toward India or Afghanistan. Russo-Persian and Russo-Turkish wars were framed as threats to British interests, necessitating a stronger stance against Russian policy in Persia to counter aggression and eliminate Russia as a competitor in the Persian market.

Russian actions in the Middle East were not purely altruistic. By fostering ties with Iran and Afghanistan, St. Petersburg sought to pressure Britain for concessions in the Near and Middle East and support in resolving the Turkish question, particularly the Black Sea straits.

In the 1840s, Russia-Britain-Central Asia relations shifted, with Russia consolidating borders rather than expanding, while Britain's Afghan expansion ended in rebellion and the ousting of its appointee (Martens, 65).

The Crimean War (1853–1856) redirected Russia's focus to Central Asia, where, in the late 19th century, it conducted scientific and military expeditions, rapidly incorporating territories into the empire. Britain, alarmed, accused Russia of threatening its colonies but, by the 1890s, lacked the military capacity to counter Russia, leading to agreements on spheres of influence. The «Great Game» waned due to European crises and Germany's aggression, culminating in the 1907 Anglo-Russian Convention, which resolved longstanding rivalries by delineating influence in Persia, Afghanistan, and Tibet (1952, 387–388).

In Russian historiography, the «Great Game» is divided into four stages:

- (1) 1813–1838, marked by political and economic positioning;
- (2) 1838–1864, with initial expansion attempts;
- (3) 1864–1885, defined by Russia's annexation of Central Asia; and
- (4) 1885–1907, characterized by political confrontation ending with the 1907 Convention (1952, 264).

Conversely, J. Morgan limits the «Great Game» to 1810–1895, viewing the 1907 agreement as tied to European rather than Central Asian affairs, with influence division completed earlier (Morgan, 264).

CONCLUSION

Summarizing the materials presented, the following conclusions can be drawn, the analysis of materials indicates the following point of view the «Great Game» persists into the 21st century with new actors (Russia, Britain, France, Germany, the U.S., Turkey, China) and zones (eastern Russia, Central Asia, Chinese Turkestan, Afghanistan, Iran, India). Chronologically, it includes:

- (1) 1800–1810, with the Franco-Russian Indian campaign plan and Britain's entry;
- (2) 1814–1853, shifting focus to Central Asia;
- (3) 1864–1896, ending Anglo-Russian rivalry;
- (4) 20th–21st centuries, subdivided into 1907–1918, 1944–1946, 1946–1991, and post-1991.

Rooted in Central Asia's geopolitical multidirectionality, the «Great Game» remains relevant but not eternal, its future tied to shifts in global geopolitical dynamics.

The study of Anglo-Russian relations in Central Asia and the Middle East boasts a robust historiographical tradition. Various facets of this issue have been explored in domestic and foreign scholarship. By the turn of the 19th and 20th centuries, as Anglo-Russian interactions ceased to provoke intense disputes, rigorous academic studies emerged, supported by an expanded source base and clear outcomes of the processes under scrutiny. Rudyard Kipling's adage, «East is East, and West is West, and never the twain shall meet», has been both affirmed and contested, particularly by modern scholars. The 19th century marked the onset of intensive engagement – driven by conflicts – primarily through the Russian Empire's colonization of Central Asia. Soviet historiography portrayed this as a positive «incorporation» bringing civilization, while contemporary scholarship views it negatively, as the transformation of Central Asia (Turkestan) into a colony and its economic subjugation.

REFERENCES:

Alimshoev, M. M. 2003. History of Relations between the Russian Border Service in the Pamirs and the Local Population in the Late 19th – Early 20th Centuries. Dushanbe.

Akhmedzhanov, G. A. 1995. The Russian Empire in Central Asia (History and Historiography of Tsarist Colonial Policy in Turkestan). Tashkent.

Airapetov, O. R. 2018. History of the Foreign Policy of the Russian Empire. 1801–1914: In 4 vols. Vol. 3. 1855–1894. Moscow.

Baskhanov, M. K. 2015. “At the Gates of British Power”: A.E. Snesev in Turkestan, 1899–1904. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.

Brezhneva, S. N. 2012. “Russian Public Opinion on the Russian Empire’s Advance in Turkestan (Second Half of the 19th Century).” Bulletin of Chuvash State Pedagogical University (73), pt. 2: 26–31.

“Collection of Treaties of Russia with Other States, 1856–1917.” 1952. Moscow. Pp. 387–88.

Dubovitskii, V. V. 1998. “Russia and the Bukhara Khanate: History of Strategic Partnership.” In Russia in the Historical Destinies of the Tajik People, 89. Dushanbe: Sharki Ozod. 2004. History of the Formation of the System of Geopolitical Relations between Russia and Central Asia, 1700–2002. Doctoral diss., Dushanbe. 2010. “Motives for the Annexation of Central Asia to Russia.” History and Modernity (2): 86–111.

Gabdurashitova, M. 2009. “Stages of the ‘Great Game’ in Central Asia.” Bulletin of Volga University (3). <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-bolshoy-igry-v-sredney-azii> (accessed November 29, 2024).

Hopkirk, P. 1994. On Secret Service East of Constantinople. London: QPD. <https://cyberleninka.ru/article/n/britanskaya-istoriografiya-vtoroy-pолоviny-hh-v-o-bolshoy-igre-v-tsentralnoy-azii> (accessed November 29, 2024).

Ivanov, P. P. 1958. Essays on the History of Central Asia (16th – Mid-19th Century). Moscow.

Iskandarov, B. I. 1961. “Anglo-Russian Delimitation of 1872–1873.” Dushanbe.

Kazantsev, A. A. 2009. “The ‘Great Game’ in Central Asia: Yesterday, Today, Tomorrow.” Neprikosnovenny Zapas (4). <https://magazines.gorky.media/nz/2009/4/bolshaya-igra-v-czentralnoj-azii-vchera-segodnya-zavtra.html> (accessed November 30, 2024).

Kazantsev, A. 2008. The “Great Game” with Unknown Rules: Global Politics and Central Asia. Moscow: Heritage of Eurasia; MGIMO. www.fundeh.org/publications/books/132 (accessed November 27, 2024).

Khamedi, Mohammadreza. 2013. Political, Economic, and Cultural Transformations in Central Asia in the 19th – Early 20th Centuries. Dushanbe.

Khalfin, N. A. 1960. Russia’s Policy in Central Asia (1857–1868). Moscow.

Khidoyatov, G. A. 1969. From the History of Anglo-Russian Relations in Central Asia in the Late 19th Century (1860s–1870s). Tashkent.

Klein, I. 1971. “The Anglo-Russian Convention and the Problem of Central Asia, 1907–1914.” *The Journal of British Studies* 11 (1): 126–47.

Martens, F. F. 1880. Russia and England in Central Asia. Moscow.

Masov, R. 2005. Current Issues in the Historiography and History of the Tajik People. Dushanbe.

Masov, R. M., ed. 2010. History of the Tajik People. Vol. IV. Late Middle Ages and Modern Times (16th Century – 1917). Dushanbe.

Mamadaliyev, I. A. 2011. “Factors of Conquest: On the Issue of Anglo-Russian Rivalry in Central Asia (Second Half of the 19th Century).” Kemerovo. 2013. Russia and Central Asia: Features of the Colonial-Administrative System of Governance in the Second Half of the 19th – Early 20th Century. Khujand. 2013. “Pamir – Between Empires: In the Context of the Great Game.” *Bulletin of USU, Russia*. 2016. “Central Asia in the Geopolitical Interests of Russia (18th–19th Centuries).” In *Proceedings of the International Conference, Khujand*. 2017. “Central Asia in the Orbit of the Russian Empire (Historiographical Aspect).” In *Proceedings of the International Conference, Dushanbe*. 2019. “Central Asia within the Russian Empire (Historiographical Aspect).” Tashkent, Uzbekistan: Institute of Oriental Studies, October 30–31.

Mitrofanov, A. A. 2006. “Russo-French Relations in the Mirror of Bonapartist Propaganda, 1800–1801.” *French Yearbook* 2006, 130–45. Moscow.

Morgan, G. 1981. Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895. London.

Morris, J. 1973. *Heaven’s Command: An Imperial Progress*. London.

Neumann, K. F. 1848. Afghanistan and the British in 1841 and 1842. Moscow.

Niyazmatov, M. 2014. “Russia in the East: Great Power Confrontation (19th Century).” St. Petersburg.

Panin, S. B. 2001. “The ‘Soviet Threat’ to British India: The Afghan Bridgehead (1920s).” *Vostok* (6): 24–35.

Pirumshoev, H. 1996. Russian-Central Asian Relations from the 16th to the Mid-19th Century in Russian Historiography. Doctoral dissertation abstract in Historical Sciences 07.00.09. Dushanbe.

———. 2005. “Pamir in the First Half of the 19th – Early 20th Century.” In *History of the Gorno-Badakhshan Autonomous Region*, 282–378. Dushanbe.

Porokhov, S. 2007. *Battle of Empires: England vs. Russia*. St. Petersburg.

Postnikov, A. 2003. “Imperial Games.” *Rodina* (5): 205.

Steinberg, E. L. 1951. *History of British Aggression in the Middle East (From the French Bourgeois Revolution to World War II)*. Moscow.

Vasiliev, D. V., and Vasiliev, S. D. 2017. “British-Russian Confrontation in the Middle East as a Response to Russia’s Attempt at Geostrategic Consolidation in the Region.” *Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences* 19 (3). <https://cyberleninka.ru/article/n/britano-rossiyskoe-protivostoyanie-na-srednem-vostoke-kak-reaktsiya-na-popytku-geostrategicheskogo-ukrepleniya-rossii-v-regione-v-1830-h> (accessed November 29, 2024).

Yuldashbaeva, F. Kh. 1963. *From the History of British Colonial Policy in Afghanistan and Central Asia (1870s–1880s)*. Tashkent.

Yuzhakov, S. N. 1885. *Afghanistan and Neighboring Countries: A Political-Historical Essay*. St. Petersburg.

МРНТИ
9.9.2

Даметкен Сулейменова

*Кандидат исторических наук, ассоциированный профессор
Ведущий научный сотрудник Государственного института истории
Астана, Казахстан
e-mail: suleymenova53@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2080-8707>*

ЖАХАНША ДОСМУХАМЕДОВ – ПРОВОЗГЛАШАТЕЛЬ НЕЗАВИСИМОСТИ

Аннотация. Руководитель Западного отделения Алаш-Орды Жаханша Досмухамедов родился и вырос в Джамбейтинском уезде. Там были корни его рода, прошло его детство, ступени образования. После окончания Уральского военно-реального училища и курса подготовки, он поступил в императорский Московский университет на юридический факультет и закончил его с дипломом первой степени. Затем он подготовил кандидатскую работу по теме «Основная постановления киргиз-казакского обычного права и народный суд, как орган их применение». Из Московского Центрального государственного архива через 114 лет были изъяты копии и добавлены в исторический оборот. В них содержится краткое содержание научных трудов 23-летнего Жаханши, где молодой человек высказывает искренние мысли о последствиях колониального гнета того времени и путях его замены в будущем. Деятельность Жаханши Досмухамедова делится на три этапа (1911-1917гг.), (1917-1920 гг.), (1920-1938 гг.).

Ключевые слова: *Алаш, Алашорда, Уильский оляят, Алашская автономия, Джамбейта, создание Западного отдела Алаш-Орды, Алашские интеллигенты, съезды казахов, наследие.*

Дәметкен Сүлейменова

ЖАҒАНША ДОСМҰХАМЕДОВ – ТӘУЕЛСІЗДІК ЖАРШЫСЫ

Аңдатпа. Алашорданың Батыс бөлімінің басшысы Жағанша Досмұхамедовтың туып-өскен жері, балалық шағы, білім баспалдақтары, Ататек тармақтары, Орал әскери-реалды училищесіндегі білім қортындылары, әзірлік курсы, Мәскеу қаласына император атындағы университеттің заң факультетіне оқуға түсіп, оны бірінші дәрежелі дипломмен аяқтауы, сонымен қатар Жағанша Досмұхамедовтың өз қолымен жазып, қорғаған кандидаттық жұмысының Мәскеу қаласының Орталық мемлекеттік архивтен 114 жылдан соң көшірмесі алынып, тарихи айналымға қосылып жатқан жаңалығы, 23 жастағы Жағаншаның ғылыми еңбегінің қысқаша мазмұны, жас Жағанша сол кездегі отарлық езгінің салдары мен болашақта оны ауыстыру жолдары туралы шынайы ойларын ортаға салады. Сонымен қатар Жағанша Досмұхамедовтың атқарған қызметі үш кезеңге бөліп көрсетіледі (1911-1917жж.), (1917-1920 жж.), (1920-1938 жж.).

Түйін сөздер: Алаш, Алашорда, Ойыл уәлаяты, Алаш автономиясы, Жымпиты, Алашорданың Батыс бөлімінің құрылуы, Алаш зиялалары, Қазақ съездері, тағлымы.

Dametken Suleimenova

ZHAKHANSHA DOSMUKHAMEDOV – A PROCLAIMER OF INDEPENDENCE

Abstract. Head of the Western Department of alashorda Zhakhansha Dosmukhamedov place of birth, childhood, educational ladder, atatek branches, results of education at the Ural military Real school, Preparatory Course, Admission to Moscow to the Faculty of law of the Imperial University and completion of it with a diploma of the first degree, as well as a copy of the candidate's work written and defended by Zhakhansha Dosmukhamedov in 114 years from the Central State Archive of Moscow, a novelty that is being added to the historical circulation, 23-year-old Zhakhansha summary of the work, the young man shares his sincere thoughts about the consequences of the then colonial oppression and ways to replace it in the future. At the same time, the work of Zhakhansha Dosmukhamedov is divided into three periods (1911-1917.), (1917-1920.), (1920-1938.).

Keywords: *Alash, Alash - Orda, Oiyl Province, Alash Autonomy, Zhymtpyt, creation of the Western Department of Alash- Orda, Alash intellectuals, Kazakh congresses, legacy.*

ВВЕДЕНИЕ

Жаханша Досмухамедов родился в 1887 году на территории бывшего Жымпитинского, нынешнего Сырымского района (с 1992 года, прим. авт. Д.С.), в местности совхоза «Булдырты» (эти земли сохранились до наших дней, только совхоз ныне называется сельским округом).

О годе рождения Жаханши Досмухамедова существуют разные данные. Например, в *Энциклопедии Западно-Казахстанской области* и в книге Максата Таж-Мурата «Батыс Алаш-Орда» указывается 1885 год десе (Таж Мурат 2003, 110). В материалах архива Комитета национальной безопасности РК (28.08.2001) его год рождения значится 1883 (Архив КНБ Алматы 2001). В документе, полученном из московского архива (17.04.1997), указан 1887 год (Документ из Московского архива). В Западно-Казахстанском областном архиве (фонд 418, опись 320, дело № 529) в аттестате № 991 об окончании Оренбургского военного реального училища в ноябре 1905 года, также указано, что Жаханша родился в 1887 году (ЗКОА 1997, 3). В дипломе № 175, выданном 4 марта 1910 года по окончании юридического факультета Императорского Московского университета, также указан 1887 год рождения (ЗКОМ 1997, 8). В протоколе допроса в Алма-Ате 7 декабря 1930 года, написанном рукой самого Жаханши, он указал: «Мне 43 года» (Протокол следственного дела 1930). Таким образом, можно утверждать, что Жаханша Досмухамедов родился в 1887 году. Это - неоспоримый факт (авт. Д.С.).

Что касается его имени, то и здесь встречаются разные варианты. До сегодняшнего дня его называли «Жанша», «Жаһанша» и «Жаһаншах». Если обратиться к источникам: в Западно-Казахстанском областном музее, в фонде № 418, описи 320, деле № 529, в аттестате № 991, а также в дипломе Императорского Московского университета имя Досмухамедова значится как «Жанша». Это же имя встречается в документах Оренбургского военного реального училища. Однако в последующих документах оно фиксируется как «Жаһанша». Согласно материалам Кызылординского областного архива (06.06.2003), его имя также указывается как «Жаһанша».

Кроме того, в протоколе допроса 7 декабря 1930 года в Алма-Ате Жаһанша сам собственноручно указал своё имя именно так -

«Жаһанша». В материалах московского архива (17.04.1997, дело № 5 ПС-1811/57), посвящённых его реабилитации, оно также приводится как «Жаһанша». В Государственном архиве РФ (фонд 10035, оп. 1, дело П-50151, л. 3–76) его имя указано «Жаһанша». В справке Департамента КНБ РК по г. Алматы и Алматинской области от 28.08.2001 оно также зафиксировано как «Жаһанша».

Сравнив все документальные источники и опираясь на данные, написанные им самим, можно заключить, что правильным написанием имени является «Жаһанша». Когда я (авт. Д.С.) встречалась с дочерью Халела Досмухамедова, Карашаш Халелқызы, она сказала: «Дәметкен, имя Жаһанши нужно писать правильно. Его настоящее имя, данное при азан-шақыру, было «Жаһаншах». Родители же ласково называли его «Жанша» (Воспоминания Карашаш апай).

Таким образом, лидер Западной Алаш-Орды, юрист, политик и оратор Жаханша Досмухамедов прожил очень сложные и тяжёлые годы. История стирает забытое, но открывает будущее, и мы должны хранить и правильно называть имена наших исторических личностей.

Составленное мной (авт. Д.С.) родословное древо Жаханши Досмухамедова:

Его род - Тана, ветвь: «Қарақұнан – Сүйіндік – Қарағұл – Құлсары – Жақай – Қуанышәлі – Сұлтан – Досмұхамед». От Досмухамеда - Ғаббас (Қабас) и Жаханша. Отец, Досмухамед, был одним из зажиточных и уважаемых людей своего времени. Мать - Мыжык (в книге Ж. Акбаева «Жаһанша», вышедшей в 2008 г., имя матери указывается как Рабига). Она была уважаемой в округе женщиной, доброй и щедрой по отношению к бедным.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специально-исторические методы.

Для анализа структуры власти, правового статуса и функций органов управления Алаш-Орды были использованы историко-системный и историко-правовой методы.

Историко-биографический метод позволил реконструировать политическую деятельность Жаханши Досмухамедова.

Источниковедческий анализ позволил критически оценить архивные документы, протоколы, периодические издания и мемуары.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Жаханша, выросший в такой семье, с детства проявлял смекалку и любознательность. Первоначально он учился арабской грамоте у сельского моллы, затем - у наёмного учителя, изучал русский язык. В Джамбейты посещал русско-казахскую волостную школу, где его учителем был Курбангали Суйырбаев. Позднее, уже став студентом, он подарил своему наставнику фотографию с надписью: «Любимому учителю от благодарного ученика».

В 1899 году Жаханша поступил в подготовительный класс Оренбургского военного реального училища, которому тогда исполнилось 22 года. С первых шагов в школе он проявил усердие и способности к учёбе. Его сразу перевели в основной класс без экзаменов.

В фондах Западно-Казахстанского областного архива (фонд 418, опись 320, дело 529) значится: Жаханша Досмухамедов, магометанского вероисповедания, уроженец 1-го аула Жымпитинской волости Оренбургской области, родился в 1887 году. Учился в военном реальном училище с августа 1899 года и 31 мая 1905 года окончил полный курс основного отделения, получив аттестат 27 ноября 1905 года (Акбаев 1994, 78).

Ж. Акбаев в книге «Жанша» (Орал, 1994) приводит его результаты:

- Русский язык - 4 (хорошо)
- Немецкий язык - 4 (хорошо)
- Французский язык - 3 (удовлетворительно)
- Арифметика - 4 (хорошо)
- Алгебра - 5 (отлично)
- Геометрия - 4 (хорошо)
- Тригонометрия - 4 (хорошо)
- История - 5 (отлично)
- География - 4 (хорошо)
- Естественная история - 4 (хорошо)
- Физика - 4 (хорошо)
- Рисование - 4 (хорошо)
- Чертёж - 3 (удовлетворительно).

Кроме того, он получил аттестат II разряда. В нём указывалось, что продолжить обучение в высших учебных заведениях он сможет после службы в армии. В Оренбурге Жаханша, наряду с учёбой в училище,

получил немалый жизненный опыт. В 1906 году он успешно окончил реальное училище, и перед ним встал вопрос - где продолжать образование. С осени 1905 года он обучался на подготовительных курсах для поступления в высшее учебное заведение. Завершив подготовительные курсы в Уральске, 22 августа 1906 года Жаханша Досмухамедов собственноручно написал прошение ректору Императорского Московского университета. В этом прошении он указал, что окончил Уральское военное-реальное училище и является стипендиатом Уральского областного управления, и просил принять его на юридический факультет. Уже в августе того же года его просьба была удовлетворена, и Жаханша поступил в Московский университет. Данный факт зафиксирован в историческом центральном архиве Москвы: фонд 418, опись 320, дело 529 (ныне хранится в Западно-Казахстанском областном музее в фонде № 23377-В, прим. авт. Д.С.) (ЗКОМ 23377-В фонд).

В 1906–1910 годах Жаханша Досмухамедов обучался на юридическом факультете Императорского Московского университета. Несмотря на строгую дисциплину, установленную после революционных событий 1906–1907 годов, в университетских стенах продолжались дискуссии, диспуты, открытые обсуждения различных вопросов политического развития общества. Университет, как и другие учебные заведения, находился под личным контролем министра народного просвещения А. А. Кассо; особенно строгому надзору подвергались студенты восточных факультетов (Ақбаев 1997).

Среди студентов университета выходцы из национальных окраин встречались редко, но отличались активностью в учёбе, общественных встречах и дискуссиях. Одним из главных вопросов того времени была Столыпинская аграрная реформа. Официальные круги распространяли лишь позитивные оценки, утверждая, что она открывает путь к буржуазной демократии. Однако Жаханша и его товарищи из Средней Азии и Востока рассматривали реформу, как основной инструмент колониальной политики царизма. Таким образом, Московский университет повлиял не только на формирование правового мировоззрения Жаханши, но и на его личностное становление, укрепление характера и расширение кругозора.

В университете Жаханша проявил себя как старательный студент, превзошедший многих в учёбе. Он осознавал, что юридическая наука в России значительно отставала от Европы: если в Риме уже в I веке нашей эры существовала школа права, основанная Собином, то в

России юридические лекции начали читать лишь во второй половине XVIII века. Если древние римляне применяли Кодекс Юстиниана в повседневной жизни и государственном управлении, то в России лишь в XIX веке появились первые проекты правовых реформ.

Русские профессора-правоведы С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков выдвигали принцип: «От управления людьми - к управлению законами», то есть переход от личной власти к правовым нормам.

Жаханша особенно интересовался учением А. Менгера «Правовой социализм», согласно которому капитализм в силу мировых закономерностей и под влиянием социальных факторов неизбежно должен был перейти к социализму.

Помимо университетских лекций профессоров-юристов, Жаханша читал труды западноевропейских правоведов, а также российские юридические журналы: «Вестник права» (1899–1906), «Тюремный вестник» (1893–1917), газету «Право». Большое внимание он уделял ораторскому искусству, считая его важнейшей составляющей юридической профессии. В своей практике он руководствовался следующими принципами:

- Речь должна быть красивой и интересной для слушателей.
- Уровень мастерства определяется речью, а не статусом человека.
- Каждое слово должно иметь глубокий смысл.
- Пустая речь уподобляется треску попугая.
- Слово имеет цену, и её нужно уметь оценить.
- Учиться искусству речи - никогда не стыдно.
- Лучше знать больше и говорить меньше, чем наоборот.
- Каждое слово должно попадать точно в цель.

С детства Жаханша тянулся к красноречию, знал наизусть изречения Сырыма Датова. Университетская подготовка и постоянные тренировки на русском языке сделали его выдающимся оратором, чья речь впечатляла даже русских слушателей.

Кроме того, он самостоятельно посещал лекции восточного факультета, интересовался вопросами истории подчинения Казахстана и Центральной Азии Российской империи, а также национально-освободительными движениями.

Важным обстоятельством в его студенческой жизни стали знакомства с семьёй генерала Колоссовского, ранее служившего в Чимкенте. Его дочери Ольга и Надежда, учившиеся в Москве на медицинских курсах, дружили с Жаханшой, что давало ему возможность бывать в об-

шестве влиятельных людей и узнавать о политической обстановке из первых уст. Через них он также познакомился с Надеждой Крупской, будущей женой В. И. Ленина. Позднее отмечалось, что это знакомство оказало влияние на его судьбу (Акбаев 2008, 90).

Окончание юридического факультета Императорского Московского университета подтверждается документами Центрального исторического архива Москвы: фонд 418, опись 320, дело 529, л. 8. Согласно учебному плану, он прослушал следующие курсы:

- Энциклопедия права - 207 часов
- История римского права - 208 часов
- Международное право (общий курс) - 209 часов
- Финансовое право (общий курс) - 209 часов
- История русского права - 208 часов
- История философии права - 208 часов
- Теория политической экономии - 207 часов.

Учебный план по дисциплинам специалистов гражданского права:

- Система римского права - 209 часов,
- Местное гражданское право - 209 часов,
- Гражданские дела - 209 часов,
- Торговое право - 208 часов,
- Торговые и конкурсные дела - 208 часов,
- Частное международное право - 208 часов,
- Уголовное право - 209 часов,
- Уголовные дела - 209 часов,
- Церковное право - 209 часов.

В данном документе подробно указаны часы обучения Жаханши Досмухамедова по университетским предметам, сданные экзамены, зачёты, а также дополнительные семинарские занятия. Кроме того, в документе зафиксировано, что Жаханша Досмухамедов был специалистом по гражданскому праву, истории римского права, уголовным законам и процессам. Также в нём отмечено, что Императорский Московский университет, где он обучался, был основан на основании Устава от 23 августа 1884 года (статья 77). Жаханше Досмухамедову был выдан диплом под №175, датированный 4 марта 1910 года, с печатью (ЗКОМ, фонд 418, 8).

Копия кандидатской работы Жаханши Досмухамедова, защищённой в Императорском Московском университете, была получена нами спустя 114 лет - 25 июня 2024 года в Центральном государственном архиве Москвы. Это стало для нас знаменательным событием. Помимо этого, сохранились его собственноручные научные труды, квитанции и красивое студенческое фото. Научная работа Жаханши 1910 года носила название: «*Основные положения киргизско-казахского традиционного права и народный суд как способ их охраны*». В ней он писал:

«В наше общество прочно вошла привычка давать взятки, и в наше время невозможно встретить строго справедливый народный суд. Современный киргизско-казахский суд не отвечает основным требованиям справедливости. Здесь действуют не законы, а купля-продажа судебных решений. Восстановить деятельность киргизско-казахского народного суда невозможно: как река не течёт вспять, мёртвый не воскресает и погасший огонь не загорается снова. Поэтому остаётся только один путь - упразднить такой суд и заменить его новым. Наиболее подходящей формой, на наш взгляд, станет институт выборных мировых судей. Им следует предоставить возможность вершить справедливость на родном языке народа, руководствуясь как государственными законами, так и веками устоявшимися киргизско-казахскими обычаями. Улучшить систему управления возможно лишь в форме земских учреждений в степных районах. Мы надеемся, что такие учреждения, в отличие от генерал-губернаторского правления, смогут приблизить эту страну к коренным регионам России. Земские учреждения, как наиболее близкий народу орган власти, будут работать в первую очередь в интересах степного населения. Степняки поймут, что государственная власть заботится об их интересах, благосостоянии и условиях жизни. Эту мысль нам приносят переселенческие волны из внутренней России в степные области».

Выводы, сделанные Жаханшей Досмухамедовым в его научной работе в 23 года, сегодня реализованы в независимом Казахстане (ЦГА Москвы, д. 2610).

4 марта 1910 года Жаханша Досмухамедов завершил обучение на юридическом факультете Московского университета, получил диплом и вернулся на родину.

В 1911 году он вошёл в состав статистической комиссии при «Управлении переселенческим делом», созданном в Оренбурге. Эта комиссия занималась сбором хозяйственных данных по Акмолинской, Тургай-

ской, Уральской и Киргизской (Казахской) областям. В это же время, в январских выпусках (№ 9, 14, 20) газеты «Уральский листок» за 1911 год была опубликована его статья «Несколько слов о киргизском обычном праве и народном суде».

Эта статья стала продолжением его университетской научной работы. В ней он исследовал особенности применения традиционного казахского права в местной судебной практике, указывал на эффективность использования народных обычаев при разрешении уголовных и гражданских дел.

Жаханша писал: *«В казахской степи не было писаного закона о государственном управлении, так как сведения о государственном устройстве казахов отсутствуют. Доказательством служит утверждение колониальной политики о том, что казахские земли якобы пустыют».*

Возражая подобным утверждениям, он ссылался на Савиньи (историческая школа права), теорию «общего права» Коркунова, исследования Якушкина о народном праве. Он доказывал, что до российской колонизации в казахской степи существовало собственное «обычное право». В подтверждение своих слов он приводил записи экспедиций - Левшина, а также материалы генерала Крыжановского.

В № 20 «Уральского листка» он подробно анализировал «Жеті Жарғы» Тауке-хана, опираясь на исследования Левшина, объяснял закон о «куне» (кровная месть и выкуп), показывал различия в правах мужчины и женщины. Тем самым Жаханша доказывал: до вмешательства Российской империи на казахской земле существовало своё правовое устройство и государственные институты.

Однако работа Жаханши осталась незавершённой. В ней он отмечал, что его собственный опыт ещё недостаточен, и в будущем он намерен продолжить исследования в области права и завершить свой труд (Уральский листок 1911, № 9, 14, 20).

Критическая направленность статьи не понравилась представителям власти. Вскоре его вынудили покинуть Уральскую область, чтобы лишиться связи с народом.

Февральская революция 1917 года, свергнувшая царя, оказала огромное влияние на подъём национальных движений народов, входивших в состав Российской империи. Казахская интеллигенция, которая стала лидером народа, ясно понимала, что настал момент для создания нового общества, и вышла на путь политической борьбы в новых условиях. Победа Февральской революции 1917 года дала возможность объединить казахскую национальную элиту.

В апреле–мае 1917 года в ряде областных и уездных центров прошли региональные казахские съезды, начали формироваться казахские комитеты. Отдельные представители из Уральска вошли в состав областных и уездных исполнительных комитетов - местных органов Временного правительства. В том же году казахские съезды состоялись в городах Оренбург (Тургайский областной), Уральск (Уральский областной), Семипалатинск (Семейский областной), Омск (Акмолинский областной). В организации и проведении съездов активное участие приняли лидеры национального движения: Ә. Букейханов, М. Дулатов, Ж. Акбаев, Ә. Ермеков, Х. Ғаббасов, Р. Марсеков, А. Байтурсынов, Х. Досмухамедов, Жаханша Досмухамедов и др.

Уральский областной казахский комитет был создан как исполнительный орган для управления казахскими аулами, расположенными на левом берегу реки Жайык. Именно в этих исторических событиях проявился Жаханша Досмухамедов, заявивший о себе как о политическом деятеле. Он высказывал перед народом свои взгляды на систему управления страной, судьбу народа, образование и воспитание подрастающего поколения, необходимость защиты отечества, в том числе через создание «милиции», и призывал к единству.

Особенность первого съезда уральских казахов после свержения монархии заключалась в том, что он определил новые направления управления страной, выдвинул задачу не допустить разграбления имущества и земли и сохранить всё это до установления новой государственной власти.

В декабре 1917 года, вернувшись из Оренбурга после Второго всеказахского съезда, Жаханша и Халел Досмухамедовы приступили к созданию правительства, которое должно было управлять западным регионом Казахстана. Для этого был намечен областной учредительный съезд, место его проведения определили в Каратобе, учитывая зимние условия: сюда было удобнее добираться делегатам из Ойыла, Мангистау, Уйшика и Актобе, чем в Красный дом (Қызыл үй). Это время приходится на конец февраля 1918 года. Каратобинский съезд стал предпосылкой к созданию Временного правительства «Уильский оляят». Однако на съезде вопрос о создании правительства был отложен.

Создание «Уильский оляят»

После этого IV областной съезд казахов Уральской области состоялся 18 мая 1918 года в поселении Джамбейты (ныне центр Сырымского района ЗКО), расположенном к юго-востоку от Уральска. По решению съезда Жаханша и Халел Досмухамедовы создали Временное правительство «Уильский оляят». В его состав вошли территории

Илебишинского, Уральского, Атырауского, Актюбинского, Иргизского уездов, населённые казахами, а также Мангистау, Ойыл и Бокеевский уезды. Здесь распространялась власть Временного правительства, образованного в 1917 году. Иными словами, это был шаг к реализации решения Второго всеказахского съезда о создании национально-территориальной автономии на значительной части Западного Казахстана.

Временное правительство «Уильский оляят» - это государственно-автономное образование, возникшее в начале XX века на территории Жайыкского региона. Оно было создано по постановлению IV Уральского областного казахского съезда, прошедшего в Джамбейты в конце мая 1918 года.

По словам Н. Мартыненко, в сборнике документов «Алашорда»:

«Правительство, образованное за рекой Жайык, где почти всё население составляли казахи, получило название «Уильский оляят», так как территория относилась к Ойылскому региону» (Мартыненко 1992, 42).

Исследователи Ф. Энес и М. Тәж-Мұрат отмечали:

«Временное правительство «Уильский оляят» не отделялось от Центральной Алашорды и не претендовало на общеказахстанскую власть. По государственному устройству оно являлось объектом федерации, а по политико-правовому статусу соответствовало уровню кантона, штата или округа в составе автономной республики» (Анес и Таж-Мурат 2002, 234).

С. Суюнов в книге «Бөкей ордасы» приводит состав правительства (Сүйінов 2000, 168). В него вошли 7 человек: Жаханша Досмухамедов, Халел Досмухамедов, Даулетше Кусепкалиев, Салык Омарулы, Калдыбай Асанов, Габдол-Галым Кунайулы, Сабыр Саргожин.

Временное правительство во главе с Жаханшей разместилось в школе в Джамбейты. Богатые и сторонники движения внесли средства в казну нового органа, за что Жаханша и Халел выразили благодарность. Правительство сформировало собственный аппарат, армию и милицию, финансовый фонд и быстро приступило к управлению.

Административная территория «Уильский оляят» включала десятки волостей (Шынгырлау, Борли, Теректы, Ханкөл, Косатар, Джамбейты, Сабындыкол и др.), часть Ойыла и Тайсойгана. Однако Бокей Орда, Мангистау и Актобе в то время в состав не входили (Нурпеис 1995, 101).

Высшим органом уэлаята был Учредительный съезд (Құрылтай), исполнителем - Временное правительство, а органом самоуправления

- земская управа. Для поддержания правопорядка создавались уездные суды и земская милиция.

Особое внимание уделялось военной организации. В июле 1918 года в Джамбейты была открыта школа прапорщиков, в Ойыле - юнкерская школа. Военное формирование численностью до 2000 человек называлось «Народная милиция». В неё принимались мужчины-казахи 18–30 лет, многие из которых участвовали в тыловых работах 1916 года. Форма: короткий татарский чекмен, сапоги, остроконечная шапка с круглыми полями, погоны с номером сотни. Армия выступала под белым знаменем, что показывало её принадлежность к Алашской армии.

Командирами милиции были Сабыр Саргожин и Надирше Султангерейулы Есимханов, начальником интендантской службы - Беркинғали Атшыбаев. Среди офицеров числились сын Б. Каратаева - хорунжий Мурат Каратаев, прапорщик Губайдулла Мухитов (внук Мухита Мералиулы) и др.

Однако Временное правительство «Уильский оляят», созданное решением IV Уральского областного съезда, столкнулось с противодействием: со стороны Оренбургского казачьего военного правительства, Комуча (Комитета членов Учредительного собрания, созданного в Самаре 8 июня 1918 г.), а также Центральной Алашорды.

Политическая ситуация в стране в 1917–1918 гг. неизбежно подтолкнула казахскую интеллигенцию к немедленному созданию национальной автономии. Объединение казахских земель в рамках Алашской автономии проводилось очень грамотно, на высоком политическом уровне, конституционно-правовым путём. Однако этот процесс оказался крайне сложным. Особенно сильное сопротивление оказывали местные русские крестьяне и переселенцы. Одним из самых трудных вопросов того времени стало определение границ казахских земель и включение их в состав автономии.

С началом Гражданской войны советская власть, установленная как в России, так и на территории Казахстана, повсеместно свергалась. В результате на сопредельных с Казахстаном территориях России возникли новые правительственные структуры:

1. **Комуч** (Комитет членов Учредительного собрания) - создан в июне 1918 г. в Самаре;

2. **Сибирское правительство** (Временное Всероссийское правительство) - образовано в Омске;

3. **Уфимская директория** - создана в сентябре 1918 г. в Уфе.

Поэтому создание правительства Алаш-Орды на казахских землях было вполне закономерным процессом, а Временное правительство «Уильский оляят», возникшее в Джамбейты, стало решением, продиктованным политической ситуацией и требованиями времени.

Деятельность Временного правительства «Уильский оляят»

– Отменило частную собственность на землю, объявив её достоянием народа; – Учреждены выборные уэлайтские и уездные суды; – Создана денежно-финансовая система; – Для распространения и разъяснения своей политики был организован выпуск газеты (редактором стал Ахмет Мәметов - отец Мәншук Мәметовой, один из видных деятелей Алаш-Орды); – Принято множество постановлений по вопросам землепользования, налогов, религии, суда, образования, военного дела.

Деятельность правительства под руководством Жаһанши Досмухамедова была подведена к итогам 20 декабря 1919 года на Совете народных организаций и служащих, где было отмечено:

1. Реализовано право казахского народа на самоуправление;
2. В условиях Гражданской войны, между противоборствующими политическими силами, правительство сумело активно действовать и защитить казахский народ от разрушений и грабежей (Сүлейменова 2018, 66).

Создание Западного отдела Алаш-Орды

Временное правительство «Уильский оляят», образованное 18 мая 1918 года, просуществовало до 8 сентября 1918 года. В этот день в Уфе состоялся съезд антисоветских правительств, по итогам которого было образовано новое государственное образование - **Уфимская директория**. Руководителем Директории был избран Н. Авксентьев.

Первым делом Директория решила вопрос о ликвидации правительства Алаш-Орды. Было постановлено: *«Алаш-Орда распускается, вместо неё назначается главный уполномоченный по делам Алаша, который будет заниматься удовлетворением культурно-бытовых и экономических нужд казахско-киргизского народа»* (Мартыненко 1992, 62).

Местные органы Алаш-Орды временно сохранялись, но должны были подчиняться учреждениям Всероссийского Временного правительства.

Для лидеров Алаш-Орды во главе с Элиханом Букейхановым это решение оказалось неожиданным. В газете «Рабочий день» было опубликовано заявление правительства Алаш-Орды: *«Наше отношение к*

Директории определяется нашим участием в Уфимском совещании и в деле создания единой власти. Мы поддерживаем Директорию за её усилия выполнить платформу, принятую на государственном совещании. Мы по-прежнему выступаем за Всероссийскую федеративную республику. Мы хотим, чтобы наша автономия имела статус единой самостоятельной республики» [24]. (Сборник документов Западной Алаш-Орды. – Уральск, 2012. – С. 182).

В знак несогласия 11 сентября 1918 года было проведено чрезвычайное заседание правительства Алаш-Орды с участием Э. Букейханова (председатель), Жаһанши и Халела Досмухамедовых (Орал), Б. Құлманова, У. Танашева (Бокей Ордасы), С. Досжанова (Оренбург), Е. Тұрмұхамедова, Б. Жанқадамова (Ақтөбе), А. Бірімжанова (Торғай), Э. Ермекова, М. Тынышпаева (Жетісу) и др.

Обсуждался вопрос о системе местного самоуправления. Было принято решение ликвидировать Временное правительство «Уильский оляят» и создать Западный отдел Алаш-Орды.

Основные решения заседания:

1. Комиссары Западного отдела Алаш-Орды подчиняются центральному правительству Алаш-Орды;
2. Алаш-Орда является единственным органом власти на территории автономии;
3. Местное управление осуществляется через земства и комиссаров Алаш-Орды;
4. Земское и городское самоуправление осуществляется на основе законов Временного правительства 1917 года, но ключевые вопросы решаются совместно с правительством Алаш-Орды;
5. Областных и уездных комиссаров назначает Алаш-Орда, они временно пользуются правами, определёнными законами Временного правительства 1917 года;
6. В состав Западного отдела входили: Бокей Орда, Уильский оляят, Мангистау, Закаспийская область, Актюбинский и Иргизский уезды, Торгайская область - эта территория называлась Западной частью Алашской автономии;
7. Отдел руководствуется важными и принципиальными указаниями центральной Алаш-Орды;
8. Западный отдел мог использовать полномочия Алаш-Орды в отношениях с местным земским и городским самоуправлением;
9. В случае чрезвычайных обстоятельств и отсутствия связи с центром Западный отдел имел право принимать самостоятельные решения;

10. В состав Западного отдела вошли: Жаһанша Досмухамедов (член Учредительного собрания, Орал), Халел Досмухамедов (член Учредительного собрания, Орал), Б. Құлманов (член Учредительного собрания, Бөкей Ордасы), И. Тұрмұхамедов (член Учредительного собрания, Туркестан);

11. Состав отдела дополнялся ещё двумя представителями от иных национальностей, не казахов, по предложению местного населения (*Сборник документов Западной Алаш-Орды* 2012, 182).

Эта структура официально называлась «*Отделение по управлению Западной частью Алашской автономии*». Его председателем был избран Жаһанша Досмухамедов. В протоколе заседания было указано, по каким причинам образован Западный отдел Алаш-Орды:

1. Военные действия в стране привели к разделению территории Казахстана на две крупные части;

2. Казачьи войска захватили линии Самаро-Ташкентской железной дороги и перекрыли пути сообщения;

3. Плохие дороги и большие расстояния не позволяли управлять из единого центра. В состав Западного отдела вошли также Бөкей Орда и земли Торгая.

Отмечалось, что Западный отдел Алаш-Орды мог действовать на законных основаниях как часть центрального правительства Алаш-Орды, а его документы приравнивались к общим документам всего правительства. Кроме того, ситуация осложнялась давлением белогвардейцев, казаков и националистов, что усиливало необходимость создания отдельного органа власти. На заседании было решено ликвидировать бывшее Временное правительство «Уильский оляят» и образовать Западный отдел Алаш-Орды.

В административную юрисдикцию Западного отдела входили: земли бывшего «Уильский оляят», территория Бөкей Орды, Актюбинский и Иргизский уезды (Торғайской области), а также Мангистауский уезд (Закаспийской области). После решений Уфимского совещания территория бывшего «Уильский оляят» увеличилась вдвое, а численность населения достигла 1,5 млн человек.

Некоторые исследователи высказывали мнение о «сепаратистских намерениях» Западного отдела, считая, что:

1. он отделился от Центрального правительства Алаш-Орды;
2. стремился к неограниченной власти;
3. пытался подчинить себе всю казахстанскую администрацию.

Однако эти утверждения были признаны ошибочными. В решении Уфимского совещания особо подчеркивалось: создание Западного от-

дела было вызвано военной обстановкой и трудностями коммуникации, и он обязан подчиняться принципиальным решениям Центрального правительства Алаш-Орды. Только в чрезвычайных условиях или при разрыве связи Западный отдел имел право действовать как самостоятельное правительство.

Создание Западного отдела совпало с периодом, когда в Приуралье Гражданская война обострилась и судьба края решалась буквально «из рук в руки». В этих условиях Западный отдел Алаш-Орды проводил активные переговоры, заключал различные соглашения, чтобы защитить население от кровопролития и вооружённых столкновений.

Центром Западного отдела был определён Джамбейты. Там имелись телефон и телеграф, поэтому вся связь должна была осуществляться через Джамбейты. Комиссаром Западного отдела Алаш-Орды был назначен Жангожа Мергенов. Все распоряжения, поступающие в Оралскую область, должны были направляться ему. На соответствующем приказе стояла подпись председателя Западного отдела Алаш-Орды Жаханши Досмухамедова (*Сулейменова 2007, 75*).

Руководители Западного отдела старались любой ценой уберечь массы, следовавшие за ними, от напрасного кровопролития и вооружённых конфликтов.

Деятельность Жаханши Досмухамедова в Советский период

11 января 1920 года в Кызылкоге состоялось последнее заседание Западного отдела Алаш-Орды. Таким образом, правительство, начавшееся с образования «Уильский оляят» 18 мая 1918 года, просуществовало 1 год 6 месяцев и 3 дня, после чего прекратило свою деятельность.

В апреле 1919 года член ВЦИК Мухамедияр Тунганшин получил телеграмму из центра, где сообщалось: казахскому народу предоставляется свобода в составе РСФСР с правом создать собственное правительство. В телеграмме говорилось: *«Оповестите казахский народ о правительственном акте, имеющем историческое значение. Сообщите представителям Алаш-Орды, что впредь они не будут подвергаться никаким преследованиям со стороны Советской власти за свои прежние действия»* (Қойшыбаев 1993, 82).

Однако уже осенью 1919 – в начале 1920 года Советская власть нарушила свои обещания и начала преследования лидеров Алаш-Орды. Алихан Бокейханов был арестован в Семее, Жаханша и Халел Досмухамедовы – в Уральске. Вскоре, благодаря заступничеству М. Ауезова, С. Капанова, Т. Рыскулова, С. Мендешова, они были освобождены.

В феврале 1920 года по указанию М. Фрунзе руководителей Западной Алаш-Орды изолировали от народа и выслали в Оренбург. Среди них: Жаханша Досмухамедов, Карим Жаленов, Халел Досмухамедов, Иса Кашкынбаев, Беркин Атшыбаев (Қойгелдиев 2022, 120).

Весной они были отправлены в Москву как «делегация». Там, в гостинице на Петроградской улице, Жаханша подготовил «Докладное письмо о деятельности правительства Западной Алаш-Орды» (Сборник документов 2012, 185), которое собственноручно вручил В. И. Ленину, И. В. Сталину и Л. Д. Троцкому. На основании этого письма ВЦИК принял постановление («решение от 3 июля») использовать опыт руководителей Западной Алаш-Орды в хозяйственном управлении.

В итоге Жаханша Досмухамедов получил должность инспектора в шерстяном отделе Главного управления текстильной промышленности. В сентябре 1920 года его направили в Ташкент, где он возглавил шерстяной отдел Совета народного хозяйства Туркестанской республики и одновременно исполнял обязанности секретаря Казахского отдела ЦИК Туркестана.

В 1921–1922 гг. он занимался организацией продовольственной помощи голодающим регионам Западного и Северного Казахстана. Позже участвовал в подготовке первого советского Уголовного кодекса на казахском языке - «Жауыздық низамы».

С 1927 по 1929 годы работал юрисконсультантом в Казахском сельскохозяйственном банке в Кызылорде, затем в Коллегии защитников. В начале 1930-х переехал в Алматы, а в феврале 1930 года - в Москву.

В октябре 1930 года был арестован в Москве, позже этапирован в Алматы. В 1932 году по постановлению ОГПУ его сослали на 5 лет в Воронеж. Там он преподавал в вузах.

Согласно архивным документам (ГАРФ, Ф.10035, Оп. 1, Д. П-50151), Жаханша Досмухамедов проживал в Москве (Хавско-Шаболовский пер., д.11, кв. 265) с семьёй: жена Ольга Константиновна, тёща Ольга Фёдоровна Пушкарева, приёмный сын Хадия (Қадес).

Решением «тройки» НКВД Московской области от 16 июля 1938 года он был приговорён к расстрелу, и приговор был приведён в исполнение 3 августа 1938 года. В 1957 году дело Жаханши Досмухамедова было пересмотрено, и он был полностью реабилитирован.

Жаханша Досмухамедов был реабилитирован. В документе, полученном из Московского архива 17 апреля 1997 года по делу № 1811/57, указано: «Жаханша Досмухамедов полностью реабилитирован как жертва политических репрессий» (МЮ РФ, № 5 ПС-1811/57).

Также в документе, полученном 28 августа 2001 года из Департамента КНБ РК по г. Алматы и Алматинской области, содержится

информация: *«Решение Тройки от 30 апреля 1932 года в отношении Жаханши Досмухамедова отменено, дело прекращено, а постановлением от 28 февраля 1958 года он признан реабилитированным»* (КНБ РК 2001).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе подробно рассмотрена биография Жаханши Досмухамедова – главы Западного отдела Алаш-Орды. Во введении представлены сведения о его детстве и студенческих годах, а основная часть разделена на три этапа, где проанализирована его политическая деятельность, борьба за создание казахской автономии и участие в судьбоносных событиях начала XX века.

Таким образом, Жаханша Досмухамедов, будучи юристом и политическим деятелем, до конца своей жизни оставался верным делу независимости и будущего казахского народа. Он вошёл в историю как один из лидеров Алашского движения, не изменивший своему пути даже в условиях жесточайших репрессий.

Научная новизна работы

1. Впервые в научный оборот введены сведения о кандидатской работе Жаханши Досмухамедова, написанной в 1910 году.
2. Обнаружены квитанции об оплате экзаменов и благодарственных выплат преподавателям Московского университета.
3. Введена в оборот уникальная фотография Досмухамедова, хранившаяся более 114 лет.
4. Найдены и систематизированы документы из Центрального государственного архива Москвы, сохранившиеся в идеальном состоянии.
5. Проанализирована статья Жаханши Досмухамедова в газете «Уральский листок» (1911), за публикацию которой он подвергся давлению со стороны властей.

В Москве на доме, где он жил, установлена памятная табличка, а его имя выбито на мемориальной мраморной плите в Бутовском полигоне, где 3 августа 1938 года он был расстрелян вместе с другими жертвами политических репрессий.

Память о таких личностях, как Жаханша Досмухамедов, должна быть сохранена для будущих поколений. Важно продолжать исследования и реабилитацию тех алашских лидеров, которые до сих пор остаются в тени. Это необходимо для осмысления нашего прошлого и формирования ясного будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Анес, Г., и М. Тәж-Мұрат. 2002. ЗКО. Энциклопедия. Алматы. С. 592
- Акбаев, Ж. 1994. Жанша. Орал. С. 98
- Акбаев, Ж. 1997. «Жаһанша (страницы истории) Приуралье, 13 декабря.
- Акбаев, Ж. 2008. Жаһанша. Орал. С. 210
- Архив КНБ Алматы. 2001. 28 августа.
- Воспоминания (беседа с Карашаш апай)
- Документ из Московского архива. 1997. 17 апреля.
- Документ КНБ РК по г. Алматы и Алматинской обл. № 1-01-359. 2001. 24 июля.
- ЗКОМ, ф. 23377-В.
- ЗКОМ, ф. 418, оп. 320, д. 529, л. 3.
- ЗКОМ, ф. 418, оп. 320, д. 529, л. 8.
- Қойгелдиев, М. 2022. Алаш ісі. Алматы. С. 828
- Қойшыбаев, Б. 1993. Бақытжан Қаратаев. Алматы. С. 200
- Мартыненко, Н. 1992. Алаш-Орда. Сборник документов. Алматы. С. 42.
- Мартыненко, Н. 1992. Алаш-Орда. Сборник документов. Алматы. С. 62.
- Нурпеис, К. 1995. Алаш һәм Алашорда. Алматы. С. 195
- Протокол следственного дела. 1930. Алматы, 7 декабря.
- Сборник документов Западной Алаш-Орды. 2012. Уральск.
- Сборник документов Западной Алаш-Орды. 2012. Уральск. С. 182.
- Сборник документов Западной Алаш-Орды. 2012. Уральск. С. 185.
- Справка Министерства юстиции РФ № 5ПС – 1811/57.
- Сүлейменова, Д. 2004. Алашорданың Батыс бөлімінің тарихы. Дисс. Алматы. С. 90
- Сүлейменова, Д. 2018. Жаһанша Досмұхамедов һәм Қазақ Автономиясы. Алматы. С. 304
- Сүйінов, С. 2000. Бөкей Ордасы. Алматы. С. 275
- Тәж-Мұрат, М. 2003. Батыс Алашорда. Ақтобе. С. 180
- Уральский листок. 1911. 9, 14, 20 января.
- ЦГА Москвы, ф. 418, д. 2610, оп. 513.

REFERENCES:

Anes, G., i M. Təzh-Myrat. 2002. ZKO. Jenciklopedija [Encyclopedia]. Almaty. S. 592

Akbaev, Zh. 1994. Zhansha [Zhansha]. Oral. S. 98

Akbaev, Zh. 1997. Zhahansha (stranicy istorii) [Zhakhansha (pages of history)]. Priural'e, 13 dekabrja.

Akbaev, Zh. 2008. Zhahansha [Zhakhansha]. Oral. S. 210

Arhiv KNB [Archive of the NSC] Almaty. 2001. 28 avgusta.

Vospominanija (beseda s Karashash apaj) [Memories (conversation with Karashash apai)].

Dokument iz Moskovskogo arhiva [A document from the Moscow Archive]. 1997. 17 aprelja.

Dokument KNB RK [Document of the NSC RK] po g. Almaty i Almatinskoj obl. № 1-01-359. 2001. 24 ijulja.

ZKOM, f. 23377-V.

ZKOM, f. 418, op. 320, d. 529, l. 3.

ZKOM, f. 418, op. 320, d. 529, l. 8.

Ҷојgeldiev, M. 2022. Alash isi [Alash case]. Almaty. S. 828

Ҷојshybaev, B. 1993. Bakytzhan Ҷarataev [Bakytzhan Karatayev. Almaty. S. 200

Martynenko, N. 1992. Alash-Orda. Sbornik dokumentov [Alash is a Horde. Collection of documents]. Almaty. S. 42.

Martynenko, N. 1992. Alash-Orda. Sbornik dokumentov [Alash is a Horde. Collection of documents]. Almaty. S. 62.

Nurpeis, K. 1995. Alash h m Alashorda [Alash and alashorda]. Almaty. S. 195

Protokol sledstvennogo dela [Protocol of the investigative case]. 1930. Almaty, 7 dekabrja.

Sbornik dokumentov Zapadnoj Alash-Ordj [Collection of documents of the Western Alash Horde]. 2012. Ural'sk.

IRSTI
11.25.91

Chitra Rajora

*PhD Scholar at Jawaharlal Nehru University
New Delhi, India
chitrarajora42@gmail.com*

KAZAKHSTAN'S FOREIGN POLICY AND INTERNATIONAL RECOGNITION (1991-2019)

Abstract. This paper examines the role of international recognition in shaping the political system of Kazakhstan from its independence in 1991 up to 2019. It highlights Kazakhstan's active participation in international organizations such as the United Nations and the Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE), as well as its engagement in regional frameworks including the Commonwealth of Independent States (CIS), the Shanghai Cooperation Organization (SCO), and the Eurasian Economic Union (EAEU). The study further analyzes how, under the leadership of Nursultan Nazarbayev, Kazakhstan pursued a pragmatic and multi-vector foreign policy, balancing its relations with major global powers such as Russia, China, the United States, and the European Union. By adopting this approach, Kazakhstan sought to safeguard its sovereignty, attract foreign investment, and enhance its global legitimacy.

The paper underscores that the period between 1991 and 2019 holds particular significance because Kazakhstan underwent dramatic changes both domestically and internationally. The most notable transformation was the transfer of power in 2019, which marked the end of the long-standing presidential rule of Nazarbayev. This transition not only reshaped Kazakhstan's internal political landscape but also influenced the direction and priorities of its foreign policy. The change in leadership created a new environment in which public consent for change and expectations for the future became increasingly visible, reflecting the evolving aspirations of Kazakh society.

Against this backdrop, the paper investigates how the 2019 transition affected Kazakhstan's foreign policy orientations, its pursuit of international

recognition, and the consolidation of domestic legitimacy. Through this analysis, the paper contributes to a deeper understanding of the interplay between recognition, diplomacy, and political transformation, showing how Kazakhstan's international engagements and domestic political developments between 1991 and 2019 have been mutually reinforcing in shaping the country's path toward stability and legitimacy.

Keywords: *Kazakhstan, legitimacy, recognitions, foreign policy, International Institutions and regional organizations*

Читра Раджора

ҚАЗАҚСТАННЫҢ СЫРТҚЫ САЯСАТЫ ЖӘНЕ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ МОЙЫНДАЛУЫ (1991–2019)

Аңдатпа. Бұл мақалада 1991 жылы тәуелсіздік алған сәттен бастап 2019 жылға дейінгі кезеңде Қазақстанның саяси жүйесінің қалыптасуындағы халықаралық мойындаудың рөлі қарастырылады. Онда Қазақстанның Біріккен Ұлттар Ұйымы (БҰҰ) мен Еуропадағы қауіпсіздік және ынтымақтастық ұйымы (ЕҚЫҰ) сияқты халықаралық ұйымдарға белсенді қатысуы, сондай-ақ Тәуелсіз Мемлекеттер Достастығы (ТМД), Шанхай ынтымақтастық ұйымы (ШЫҰ) және Еуразиялық экономикалық одақ (ЕАЭО) секілді өңірлік бірлестіктерге тартылуы талданады. Зерттеуде Нұрсұлтан Назарбаевтың басшылығымен Қазақстанның прагматикалық және көпвекторлы сыртқы саясат ұстанып, Ресей, Қытай, АҚШ және Еуропалық одақ сияқты ірі державалармен қатынастарда тепе-теңдікті сақтауға ұмтылғаны көрсетіледі. Мұндай тәсіл Қазақстанға өз егемендігін қорғауға, шетелдік инвестицияларды тартуға және халықаралық легитимділігін нығайтуға мүмкіндік берді.

Мақалада 1991–2019 жылдар аралығы ерекше маңызға ие екені атап өтіледі, себебі бұл кезеңде Қазақстан ішкі және сыртқы саясатта ауқымды өзгерістерді бастан кешірді. Ең елеулі өзгеріс 2019 жылғы билік транзиті болды — бұл оқиға Назарбаевтың ұзақмерзімді президенттік билігінің аяқталуын білдірді. Бұл ауысым Қазақстанның ішкі саяси ландшафтына ғана емес, оның сыртқы саясатының бағыты мен басымдықтарына да ықпал етті. Биліктің ауысуы қоғамның өзгеріске деген сұранысы мен болашаққа деген үмітін айқын көрсетті, бұл қазақстандық қоғамның өзгеріп келе жатқан ұмтылыстарын бейнеледі.

Осы тұрғыда мақалада 2019 жылғы саяси транзиттің Қазақстанның

сыртқы саяси бағдарларына, халықаралық мойындалуға ұмтылысына және ішкі легитимділікті нығайту үдерісіне қалай әсер еткені зерттеледі. Бұл зерттеу халықаралық мойындау, дипломатия және саяси трансформация арасындағы өзара байланыстарды тереңірек түсінуге ықпал етіп, 1991–2019 жылдары Қазақстанның халықаралық белсенділігі мен ішкі саяси үдерістері елдің тұрақтылық пен легитимділікке бағытталған жолын қалай айқындағанын көрсетеді.

Түйін сөздер: Қазақстан, легитимділік, мойындау, сыртқы саясат, халықаралық институттар мен өңірлік ұйымдар.

Читра Раджора

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ, 1991-2019 ГОДЫ

Аннотация. В данной статье рассматривается роль международного признания в формировании политической системы Казахстана с момента обретения независимости в 1991 году до 2019 года. Особое внимание уделяется активному участию Казахстана в международных организациях, таких как Организация Объединённых Наций (ООН) и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), а также его вовлечённости в региональные объединения, включая Содружество Независимых Государств (СНГ), Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС). В работе анализируется, как при руководстве Нурсултана Назарбаева Казахстан проводил прагматичную и многовекторную внешнюю политику, выстраивая баланс в отношениях с ведущими мировыми державами — Россией, Китаем, США и Европейским союзом. Такой подход позволял Казахстану укреплять суверенитет, привлекать иностранные инвестиции и повышать свою международную легитимность.

Отмечается, что период с 1991 по 2019 год имеет особое значение, поскольку именно в это время Казахстан пережил масштабные изменения как во внутренней, так и во внешней политике. Наиболее значимой трансформацией стала транзит власти в 2019 году, ознаменовавшая завершение длительного президентского правления Назарбаева. Этот переход не только изменил внутренний политический ландшафт Казахстана, но и повлиял на направления и приоритеты его внешней политики. Смена руководства создала новые условия, в которых обще-

ственный запрос на преобразования и ожидания будущего стали всё более заметны, отражая эволюционирующие устремления казахстанского общества.

В этом контексте в статье анализируется, как политический транзит 2019 года отразился на внешнеполитических ориентирах Казахстана, его стремлении к международному признанию и консолидации внутренней легитимности. Проведённое исследование способствует более глубокому пониманию взаимосвязи между признанием, дипломатией и политической трансформацией, демонстрируя, как международная активность Казахстана и его внутренние политические процессы в 1991–2019 годах взаимно усиливали друг друга, определяя путь страны к стабильности и легитимности.

Ключевые слова: *Казахстан, легитимность, признание, внешняя политика, международные институты и региональные организации.*

INTRODUCTION

Recognition is a process under which some facts are accepted and concluded with a specific legal status, such as state status, sovereignty over the newly acquired area, or global nationality impact. In view of this, a vital component of the declaratory theory for the recognition is establishing that objective criteria for statehood are met. The majority of the writers are of the view that recognition is declaratory. That means, «State may exist without being recognized, and if it does exist, in fact, then whether or not other states have formally recognized it, it has a right to be treated by them as a state» (Worster 2009). Nursultan Nazarbayev states, «Without international recognition and cross-border guarantees from the international community, any discourse relating to nation-building, sovereignty, economic reforms and social development would then remain an empty shell» (ibid.).

The state can politically exist de-facto even without having de jure recognition of other states and the international community. It does have the options to defend its integrity and independence, yet for a meaningful prosperity and in the interest of its citizens; it requires international recognition to be benefited by various arrangements under international agreements and laws. In a way it is inevitable to be recognised, for its very existence as it has serious consequences. (Schatz 2000). Erman and Bartelson have given an insightful critique regarding the theories related to recognition which comes under «declaration and constitutive» topics of geopolitics. While they do agree with the central idea that recognition is a part of the necessity of statehood.

An entity can be called a «state» internationally when it is acknowledged externally, irrespective of its assertion internally. International legitimacy is linked with domestic legitimacy because, in terms of legitimacy, all public attitude measures towards international institutions- trust, confidence, and support are relevant to an understanding of legitimacy (Tallberg 2017).

Schatz concludes that, «unlike other Central Asian countries, Kazakhstan has engaged intensively in the international sphere since the early 1990s, as demonstrated by the quantity and intensity of its diplomatic relations, its participation often proactive – in a large number of international bodies and organizations and its promotion of multi-nationalism and multi-confessional» (Schatz 2008, 271–4). Moreover, it has actively taken part in Commonwealth of the Independent States (CIS), Eurasian Economic Community (EurAsEC), also in Shanghai Cooperation Organization (SCO), apart from other regional organisation, due to which it's International standing has improved without having to come across much international criticism regarding internal affairs or reforms. However, Kazakhstan's international outreach has been beyond regional participation, especially after the economy started to perform very well. For instance, in 2010, it got invited for OSCE which stands for Organisation for Security & Cooperation chairmanship in Europe (Schatz 2008).

By setting examples of achieving faster economic development and then slowly taking care of political liberal reforms, the leadership choose a political system with strong economic foundation first, then stability based democratic values, as it's direction towards getting legitimacy and international recognition, where Nazarbayev built Institutions instead of individual positions, contrary to his regional peers (Tajikistan, Uzbekistan and Turkmenistan). The establishment of Nur- Otan as a party of power in its initial years can be regarded as a movement towards strong institutions, where the party helps to resolve inter-institutional conflicts and displays institutional leadership to effectively implement legislations while enhancing the nation's' international legitimacy.

RESEARCH METHODS

The work uses a comprehensive methodological framework, including historical and political, comparative and discourse analysis. The source was based on official documents of the Republic of Kazakhstan, presidential decrees, foreign policy concepts, international treaties and reports of international organizations. The comparative analysis made it possible to compare the foreign policy strategies of Kazakhstan with other Central

Asian states, revealing the unique features of the multi-vector course. The content analysis of official statements and materials of international forums (UN, OSCE, SCO) provided identification of key priorities and rhetoric of legitimization of the state. The historical and structural approach made it possible to trace the impact of internal political transformations, including the transit of power in 2019, on the country's foreign policy orientations.

THE FOREIGN POLICY OF KAZAKHSTAN

The foreign policy of any country is determined by the process of development in that particular country. The role of the internal condition is vital in making foreign policy. So, many authors agreed that the generalization of foreign policy is closely related to the national interest. Each nation determines its national interest, and they attain the goal of foreign policy. Foreign policy remains functional in the context of national interest.

Similarly, national interest is the fundamental principle of foreign policy. On the basis of national interest, the goal of foreign policy can be enabled in three groups. First, the primary goal is a national interest, security and integrity, economic interest, and national power accumulation. Second, intermediate goal; achieve non-political cooperation, increase national interest and international interest in pressure groups. Long term goal is to plan to establish world peace and security in the international order (Rumer 1989).

The need for resources and know-how to diminish the ramifications of the disintegration of the Soviet Union, required serious participation of newly born as well as established regional players in the international economic arena.

After the disintegration of the Soviet Union the need for resources and know-how to diminish the ramifications, required serious participation of newly born as well as established regional players in the international economic arena. As a matter of fact, Kazakhstan's foreign partner in order of priority remains Russia; it is also reflected in the list of regional and national priorities of Kazakhstan, according to the presidential decree «On the concept of foreign policy of the Republic of Kazakhstan». The republic is strengthening allied and good-neighbouring relations, strategic partnership with Russia, based on «military-political, trade-economic, culture-humanitarian, agro-industrial, transit transport, energy, space and other areas of mutually beneficial interaction».

Also, the third-place has been given to the partnership with China. The

priority areas of cooperation are energy, trade, investment, economic, transport, technology, culture and humanitarian. The US is also mentioned in the Foreign Policy Concept of the country. Kazakhstan intends to strengthen its expanded strategic partnership with the American state. In addition, it also lays importance on developing relations with the European Union. The concept refers to work on «liberalization of the visa regime with the prospect of a gradual transition to a visa-free regime for the citizens of the Republic of Kazakhstan and the European Union». So, Kazakhstan's priorities list is indefinite and implemented according to government decree (Rumer 1989).

Simultaneously, diplomatic and strategic foreign policy is needed to balance Russia and China's interests with relation to Kazakhstan to avoid any possible threats due to the superiority in terms of military and economic strengths supported by population size. As a consequence, the enhancement of ties with the United States became a necessity after gaining independence. The main foreign policy objective behind such a relationship was to bypass the near unavoidable dependence both on Russia and China. The maintenance of «a multilateral and diverse military-political and economic balance ensuring the security and sovereignty of Kazakhstan» was termed by President Nazarbayev as a basis of foreign policy in 1992. Afterwards, it came to be known as the «multi-vector and balance» strategy. As a number of foreign and domestic experts observed, under the prevailing circumstances, such doctrine allowed avoiding many costs while finding a place for Kazakhstan in the global political space. Direct personal contacts with heads of states helped complete many tasks as were required as per its foreign policy (Rashid 1993).

Kazakhstan's foreign policy's second critical task was to help attract foreign investment to the country's economy. The leadership of Kazakhstan not only hoped that foreign investment would speed up the economy's recovery from the crisis and would contribute to its modernization, but also believed that the development of cooperation with leading foreign companies, which, as a rule, have close ties with their governments, «will strengthen the interest of the leading powers» in the independence of the country. In this regard, Kazakhstan's leadership began to pursue a course towards forming «special relations with Russia» designed to create favorable conditions for the formation of Kazakhstani statehood. This foreign policy has objectively limited the limits within which Kazakhstan could follow the proclaimed strategy of «multi-vector and balanced» (Lewis, 1992).

Today it can be seen that the multi-vector principle has fully justified itself, allowing Kazakhstan not only to defend its national interests effectively but

also to become an independent and influential player in the international arena. Kazakhstan intends to strengthen further economic and political cooperation with Russia, China, the United States and Europe, the Far Eastern countries.

In general, the 1990s were the time for Kazakhstan's foreign policy to create the prerequisites and conditions for implementing the strategy of «multi-vector and balance» rather than its actual implementation. Having established itself as a state and has strengthened its economy, Kazakhstan has embarked on the path to becoming a pole of the emerging regional subsystem.

An equally important area of foreign policy is the policy aimed at developing and deepening the dialogue between civilizations and religions, carried out by the Kazakhstani leadership for several years. Kazakhstan in 2003 and 2006 held two congresses of leaders of the world and traditional beliefs, which brought together spiritual representatives of the world's significant confessions. President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev at the UN's 62nd session (September 2007) proposed to hold the 3rd Congress of religious leaders in 2009 under the auspices of the United Nations. On the initiative of the Kazakh side, in October 2008, Astana hosted a forum of foreign ministers of Muslim and Western countries «Common world: progress through diversity».

Kazakhstan is also concerned about its national security, although international and global security depend on the politics of superpower and various international organizations activities. The most important of these international organizations are United Nation and its major institutions- the Security Council, the General Assembly, the International Atomic Energy assembly, etc. apart from this, it has taken up the task of solving the problem of terrorism and extremism, International Anti-terrorism Coalition which is headed by the United States. Apart from all this, thus NATO and G-8 are also working to solve some other serious problems. Since the beginning, Kazakhstan has been cooperating with all these organizations, keeping in mind its national security, and has actively participated in all these organizations. Thus, in recent decades, Kazakhstan has been gradually raising the international level, and due to this, its global influence as a major superpower of the world is also visible (Rashid 1993).

Following various economic, cultural, trade and technical agreements and their timely expansion by Kazakhstan in 1995, unprecedented contributions to Kazakhstan's multifaceted development have been made. This collaboration of its large project reflects the power of discovering new areas. At the same time, Kazakhstan has identified essential factors to

maintain national security and to fulfil its national interest. Since any nation's military power becomes the strategic tool of the nation, Kazakhstan needs to cooperate with Russia, America, China, and Eastern countries for the acquisition of modern weapons according to its security and peace.

The international economic situation and the country's internal system have also affected Kazakhstan's foreign policies. The following elements in the international economy have been the dominant in this context.

- position of world economy
- global economic environment and
- Investment and multinational companies

All these factors play an essential role in Kazakhstan's Foreign policy. If we talk about the status of Kazakhstan's position in the economy in the global context, Kazakhstan has transformed into a market -friendly, globalised, open and liberal economy. Also, international investment and trade are changing according to the changing nature of the economy.

Kazakhstan's main trading partners in external trade are Russia and Italy. Thus, taking a look at the cooperation in the world economy with Kazakhstan, it is known that Kazakhstan has carved its place among the great powers of the world. Despite the adverse situations, Kazakhstan's foreign trade is significant in the world economy. Simultaneously, Kazakhstan has vast potential for export in traditional areas as well as modern areas. So, European countries account for the largest share of Kazakhstan's trade turnover with 44% with the European Union responsible for the vast majority of this (40%). Italy is the leading trading partner from the EU with 14% of total trade turnover.

Table 1. Top Five Export and Import Destinations

Top five destinations for Kazakhstan exports			Top five exporters to Kazakhstan		
Countries	Total exporters USD billion	Share in exports	Countries	Total imports USD billion	Share in imports
Italy	11.7	19%	Russia	12.4	38%
China	6.3	10%	China	5.4	17%
Netherlands	6.2	10%	Germany	1.6	5%
Russia	5.2	9%	Italy	1.5	5%
France	3.8	6%	USA	1.3	4%

Source: Report on "Business outlook in Kazakhstan" by Deloitte CIS Center 2019.

KAZAKHSTAN'S BILATERAL RELATION

The foundation of Kazakhstan–Russia relations was laid with the signing of the Treaty of Friendship, Cooperation, and Mutual Assistance on May 25, 1992. This treaty emphasized that the two countries, «relying on historically established strong ties between the two states, build their friendly relations on the principles of mutual respect for state sovereignty, territorial integrity, and the inviolability of existing borders».

Kazakh–Russian relations have evolved in several stages: first, defining a new format of interaction after the collapse of the Soviet Union; second, searching for optimal forms of economic and political cooperation; third, expanding ties in trade, science, technology, and humanitarian fields; and finally, consolidating a long-term strategic partnership. In recognition of this, both sides signed the Declaration of Eternal Friendship and Alliance Oriented Towards the 21st Century on July 6, 1998. Economic cooperation has remained at the core of bilateral relations. Both states have collaborated in energy, finance, transportation, and nuclear sectors. In June 2005, they agreed to establish an Investment Bank with an authorized capital of USD 1.5 billion, aimed at financing joint projects, especially within the EurAsEC framework. The bank reviewed more than 20 projects worth USD 2.5 billion, including a USD 600 million investment for the modernization of the Ekibastuz GRES-2 power station in northern Kazakhstan, addressing energy shortages in both Kazakhstan and Russian border regions. Further agreements covered gas processing at Karachaganak, expansion of the Caspian Pipeline Consortium, and increasing throughput of the Atyrau–Samara oil pipeline. Kazakhstan and Russia also established joint ventures in uranium extraction and nuclear reactor development. In the space sector, Kazakhstan utilized its Baikonur cosmodrome and, with Russian support, launched its first satellite, KazSat-1, in 2006, laying the foundation for a national space industry.

President Nazarbayev described bilateral relations as resting on «a high level of trust and strategic partnership», noting that «there are no political or economic problems between our countries that cannot be solved through constructive dialogue and mutual consideration of interests». These remarks were reaffirmed in 2007 summit talks in Moscow. Similarly, after assuming the presidency in 2019, Kassym-Jomart Tokayev chose Russia for his first official visit. He called ties with Russia «a model relationship» and vowed to ensure continuity of Nazarbayev's policies. This gesture reinforced Moscow's role as Kazakhstan's closest partner in foreign affairs.

Institutionalized economic integration has further bound Kazakhstan and Russia. The creation of the Customs Union in 2010, involving Russia,

Belarus, and Kazakhstan, paved the way for the Eurasian Economic Union (EAEU) established in 2015. While Kazakhstan has actively participated, it has also signaled limits to integration, rejecting proposals for joint citizenship, a common currency, or a supranational parliament. Nevertheless, bilateral trade continues to grow. Russian Trade Representative Alexander Yakovlev stated that the Kazakhstan–Russia Country Action Plan 2018–2020 aimed to boost trade volumes and expand cooperation.

Despite occasional differences over the scope of integration, both Astana and Moscow have prioritized stability, constructive dialogue, and mutual respect. As Kazakhstan navigates its post-Nazarbayev era, continuity in its «model relationship» with Russia remains central to its foreign policy.

CHINA

Kazakhstan's cooperation with the People's Republic of China, formalized through diplomatic relations established in January 1992, has remained a priority area of Kazakhstan's foreign policy. Over the past three decades, the bilateral relationship has developed into a multifaceted partnership encompassing political, economic, energy, infrastructure, and security dimensions. China's strategic interest in Kazakhstan and Central Asia is driven by three primary considerations. First, China seeks to strengthen partnerships with Central Asian states, positioning them as part of its strategic hinterland. Second, China is motivated by the region's abundant hydrocarbon and mineral resources to secure long-term energy supplies and support its industrial development. Third, China sees significant investment opportunities in Central Asia's infrastructure and industrial projects. Collectively, these factors have intensified Beijing's engagement in Kazakhstan, creating a mutually beneficial but complex dynamic (Olcott 1995).

China's engagement with Kazakhstan is shaped by historical ties and the shared goal of regional stability. In the early post-Soviet period, China prioritized building political trust with Kazakhstan to secure its western borders and promote regional development. Key agreements, such as the Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation signed in 2002 in Beijing, established the legal foundation for long-term bilateral cooperation. This treaty encompassed over 230 contracts across various sectors, providing a comprehensive framework for political, economic, and strategic collaboration.

Economic and Trade Relations

The economic partnership focuses on multiple sectors, including energy, infrastructure, construction, and technology. The establishment of trade corridors and joint projects has been facilitated through multilateral platforms such as the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and the World Trade Organization (WTO). Kazakhstan has leveraged these frameworks to attract Chinese investment in strategic projects, particularly in the oil, gas, and energy sectors. The Belt and Road Initiative (BRI), launched in 2013, has further strengthened Kazakhstan–China economic ties. The initiative aims to develop trade networks connecting Central Asia and Europe through railways, highways, ports, and pipelines. Kazakhstan plays a critical role as a transit hub, linking China’s Xinjiang province to the Caspian Sea via pipelines and overland corridors. These projects facilitate the export of Kazakh energy resources while enabling China to diversify its energy imports and expand infrastructure connectivity.

Infrastructure and Investment

Beyond energy, China has invested heavily in Kazakhstan’s infrastructure and industrial projects. Chinese funding supports the construction of roads, railways, ports, and industrial zones, enhancing Kazakhstan’s logistical capacity and regional integration. Multilateral forums, such as the SCO Business Council and intergovernmental meetings, have provided platforms to coordinate these investments. Chinese engagement is also evident in agriculture, manufacturing, and high-tech sectors, reflecting a strategy of comprehensive economic partnership. However, these investments have occasionally provoked domestic concern. Anti-Chinese protests erupted in 2016 over the proposed sale of agricultural land and in 2019 following opposition to the construction of 55 Chinese factories. Citizens expressed apprehension about growing economic dependence on China, fearing that local employment opportunities and land ownership could be compromised. The Kazakh government responded by regulating projects and detaining protest leaders, demonstrating the tension between economic partnership and domestic political sensitivities.

Challenges and Future Prospects

Despite the strong partnership, challenges remain. Kazakhstan must balance its deepening economic dependence on China with its sovereignty and domestic political concerns. Social unrest and public opposition to

Chinese investment demonstrate the sensitivity of these issues. Additionally, regional instability in Afghanistan, interethnic tensions, and competition over Caspian hydrocarbon resources pose potential risks to the bilateral relationship. China's growing influence in Kazakhstan is also part of a broader strategic calculus, including balancing Russian influence, countering U.S. dominance, and ensuring secure energy supplies. Consequently, Kazakhstan pursues a cautious yet proactive strategy, integrating Chinese investment and political cooperation while maintaining multi-vector diplomacy with other global and regional powers (Olcott 1995). Kazakhstan–China relations are characterized by extensive cooperation, particularly in energy, trade, infrastructure, and security, underpinned by mutual strategic interests. China's investment and economic engagement have transformed Kazakhstan's energy sector and infrastructure, while Kazakhstan provides China with critical access to Central Asian markets and resources. At the same time, Kazakhstan manages domestic sensitivities and maintains a balanced foreign policy, navigating its ties with Russia, the EU, and the United States.

Looking ahead, the bilateral relationship will likely expand through infrastructure projects under the Belt and Road Initiative, strategic energy partnerships, and enhanced multilateral cooperation within the SCO. Despite occasional domestic protests and regional instability, Kazakhstan–China relations remain a cornerstone of Kazakhstan's foreign policy, reflecting both countries' shared economic, political, and strategic interests in Central Asia (Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China).

KAZAKHSTAN AND INTERNATIONAL ORGANIZATIONS: PATHS OF COOPERATION AND DEVELOPMENT

The Shanghai Cooperation Organization (SCO) was founded in 2001, evolving from the earlier Shanghai Five group, which consisted of Kazakhstan, China, Kyrgyzstan, Russia, and Tajikistan. Uzbekistan later became a member, followed by other countries. The SCO's primary goals are to maintain regional security and stability, combat terrorism, extremism, and separatism, and promote economic and humanitarian collaboration among its member states.

Kazakhstan has traditionally placed special emphasis on environmental and water resource issues, particularly regarding the Aral Sea and transboundary rivers like the Amu Darya, Syr Darya, and Irtysh. Through SCO, Kazakhstan seeks to balance national interests with regional cooperation on

shared resources (Starr, 2005). Membership in SCO also allows Kazakhstan to address cross-border disputes and foster social, economic, and cultural integration, reducing reliance on military solutions for regional stability. President Nursultan Nazarbayev emphasized resolving historical boundary issues to ensure lasting peace for future generations (Abishev 2002). Energy cooperation is a growing focus within SCO. Kazakhstan proposed the creation of the SCO Energy Agency and Energy Club to facilitate information sharing, market operations, and energy security among member states, which collectively hold substantial oil and gas reserves (Tiffany 2010). Kazakhstan also uses SCO to expand trade, investment, and technological cooperation in sectors such as banking, IT, telecommunications, and pharmaceuticals, strengthening its regional economic presence.

SCO summits, including the 2019 Qingdao meeting, emphasized joint counter-terrorism exercises, peacekeeping, and regional trade integration through projects like the Belt and Road Initiative (Awan 2018). Kazakhstan's participation in SCO reflects its multi-vector foreign policy, balancing Russian and Chinese influence while engaging with other regional partners. By leveraging SCO's platforms, Kazakhstan continues to play a proactive role in fostering stability, cooperation, and sustainable growth in the Central Asia region.

Europe, particularly the European Union (EU), is a key partner in Kazakhstan's foreign policy. Bilateral cooperation between Kazakhstan and EU countries has been developing across political, economic, trade, scientific, and technological fields. While these initiatives primarily focus on peaceful development, they increasingly intersect with military and security concerns. The EU's interest in Central Asia, including Kazakhstan, intensified after the 9/11 attacks in the United States and the subsequent war in Afghanistan (EEAS 2019). The EU's modern security framework operates on three levels: intra-European cooperation among member states, transatlantic relations through NATO and European security institutions, and regional collaboration with neighboring states, including Russia, Central Asia, and the South Caucasus. The EU's security priorities address civil wars, organized crime, drug trafficking, migration, and energy dependence on external suppliers, particularly from the Persian Gulf, Russia, and North Africa. These factors shape Kazakhstan's cooperation with the EU, as European capabilities can assist in regional stability and security, while Kazakhstan's strategic location facilitates EU access to Afghanistan through air corridors, military-technical support, and emergency transit (ibid).

Energy cooperation is another key pillar of Kazakhstan-EU relations. Kazakhstan's hydrocarbon resources offer the EU secure energy supply routes, contributing to its energy diversification and security objectives. Initiatives such as the INOGATE program integrate Kazakhstan into a broader European energy transport network, enhancing connectivity and protecting energy supplies for both the EU and Central Asia (Zardykhan 2004). In addition, Kazakhstan benefits from the EU's advanced expertise in border management, customs, and financial controls. Programs like CADAP (Central Asian Drug Action Program) and BOMCA (Border Management Program in Central Asia) strengthen regional law enforcement cooperation, provide a shared information network, and improve the management of state borders (Radyuhin 2009). Such initiatives help Kazakhstan address transnational security threats, including drug trafficking and illegal migration, while supporting broader regional stability.

Despite these advantages, military-political cooperation between Kazakhstan and the EU remains relatively limited. This limitation is influenced by the EU's reliance on NATO, its historically unclear security vision in Central Asia, the influence of Russia and China on regional security structures, and internal disagreements among EU member states regarding a unified approach. Consequently, Kazakhstan's collaboration with the EU is often shaped by balancing European, Russian, and Chinese strategic interests (Russell 2019). Overall, Kazakhstan's engagement with the EU reflects a multidimensional approach, combining political, economic, energy, and security cooperation. By leveraging European expertise, infrastructure programs, and energy partnerships, Kazakhstan strengthens regional stability and integrates into international networks, while the EU gains a strategic partner in Central Asia for promoting peace, security, and sustainable development.

Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE)

The OSCE takes a comprehensive approach to security, aiming to integrate Eurasian security mechanisms to address global challenges and threats while promoting cooperation among NATO, CSTO, CICA, and SCO. In the early stages of Kazakhstan-OSCE relations, joint activities focused on practical information exchange, assisting Kazakhstan in implementing reforms during its transition to a market economy, strengthening regional security, and developing civil society. Since February 2003, under the Memorandum of Understanding with OSCE/ODIHR, Kazakhstan has

undertaken projects to reform the office of the Commissioner for Human Rights, as well as its judicial and legal systems, reflecting the country's commitment to democratic modernization.

Kazakhstan has leveraged its historical experience of interethnic and interfaith harmony to act as a regional guarantor of long-term security. At the 2006 OSCE meeting on intercultural, interreligious, and interethnic tolerance, President Nazarbayev emphasized Kazakhstan's role as a bridge between the East and West, promoting dialogue among civilizations. This approach aligns with the OSCE's goal of creating a uniform dialogue platform connecting Euro-Atlantic and Eurasian spaces, particularly in response to accelerated global changes. Kazakhstan's political modernization is closely linked to OSCE recommendations. During its 2010 chairmanship, Kazakhstan prioritized the organization's core principles, strengthened the ODIHR mandate, and focused on maintaining regional stability in Central Asia. The country also emphasized socio-economic development in Afghanistan, improved economic cooperation among Central Asian states, expanded transport and transit networks, and promoted the rational use of water and energy resources based on OSCE expertise (OSCE 2010).

The OSCE presidency highlighted Kazakhstan's commitment to equality among member states and sustainable regional development. Furthermore, the OSCE has promoted a comprehensive security approach in Eurasia, encouraging cooperation between international and regional organizations to combat terrorism. Kazakhstan's active engagement demonstrates the strategic relevance of the OSCE model for building a stable and coordinated security framework in the Asian region. By integrating European security experience with regional priorities, Kazakhstan contributes to creating a more predictable and secure environment while strengthening its diplomatic and multilateral profile.

CONCLUSION

Kazakhstan, have achieved significant geostrategic and political stability through efforts such as enhancing economic cooperation and fostering socio-political interdependence. These measures have strengthened the Kazakhstan's international recognition and relations with global actors. Rapidly changing regional dynamics have accelerated the need for shared investment, transport, trade, communication, and economic policies. While Central Asia shows strong integration potential, unresolved geopolitical

contradictions between major powers have hindered the development of fully integrated transport and communication networks across the region. Nevertheless, Kazakhstan is actively working to link its internal infrastructure with neighboring countries, aiming for mutually beneficial regional connectivity. Kazakhstan's political legitimacy and international recognition are closely tied to its economic performance, institutional development, and socio-political stability. International recognition reinforces Kazakhstan's balanced foreign policy, enhancing its authority and facilitating constructive relations with Russia, China, the USA, EU countries, and other global actors.

Kazakhstan's active participation in multilateral organizations, including SCO, CSTO, and EURASEC, reflects its commitment to economic development, trade cooperation, and regional security. The country has also initiated the CICA process, gradually establishing a dialogue platform for Asian countries. ASEAN nations view Kazakhstan as a potential strategic partner due to its stable economic growth and balanced policies. Future cooperation in energy transport infrastructure could link Central Asia with Southeast Asia and China, promoting regional integration and economic consolidation. By leveraging its rich natural resources and strategic location, Kazakhstan successfully minimizes geopolitical rivalry, fosters mutually beneficial international partnerships, and contributes to regional stability. Through these efforts, Kazakhstan demonstrates a pragmatic foreign policy that balances economic, political, and security interests while positioning itself as a stable and reliable partner in Central Asia and beyond.

REFERENCES:

Abishev, A. E., ed. 2002. *Kazakhstan in Focus: Ten Years of Independence*. Almaty: Center for Foreign Policy and Analysis.

Awan, Z. 2018. "Success of 18th Summit of SCO." *China Daily*, December 6, 2018. Accessed March 3, 2020. <http://www.chinadaily.com.cn/a/201806/12/WS5b1f1e18a31001b82571f712.html> (accessed March 10, 2023).

EEAS. 2019. "Kazakhstan, EU's Relations with Country." European External Action Service (EEAS). Accessed February 21, 2019. https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/1367/kazakhstan-and-eu_en.

Olcott, M. 1995. "Oil and Politics in Kazakhstan." *Caspian Crossroad*. Accessed March 10, 2020. <http://ourworld.compuserve.com/homepages/usazerb/casp.htm> (accessed March 15, 2023).

OSCE. 2010. "OSCE Summit in Astana Begins with Call to Heads of State to Advance Euro-Atlantic and Eurasian Security." OSCE. Accessed December 22, 2019. <https://www.osce.org/cio/74233> (accessed March 15, 2023).

Radyuhin, V. 2009. "India to Play Active Role in Shanghai Group." *The Hindu*, October 27. Accessed February 21, 2020. <http://www.hindu.com/2005/10/27/stories/2005102718141600.htm>. (accessed May 21, 2025).

Rumer, B. 1989. *Soviet Central Asia: A Tragic Experiment*. London: Unwin Hyman Press.

Russell, M. 2019. "The EU's New Central Asia Strategy." European Parliamentary Research Service (EPRS), January 2019. [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/635593/EPRS_BRI\(2019\)635593_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/635593/EPRS_BRI(2019)635593_EN.pdf). (accessed May 21, 2025).

Schatz, E. 2000. "Framing Strategies and Non-Conflict in Multi-Ethnic Kazakhstan." *Nationalism and Ethnic Politics* 6 (2): 71–94. London: Frank Cass.

Tallberg, J., and L. Dellmuth. 2017. "Why National and International Legitimacy Are Linked: Effects of Social Trust." Paper presented at the 10th Conference on the Political Economy of International Organizations (PEIO), Bern, January 12–14, 2017.

Tiffany, P. N. 2010. "China's Role in Shaping the Future of Afghanistan." *Policy Outlook*, September 1, 2010. Carnegie Endowment's Asia Program.

Worster, W. 2009. "Law, Politics, and the Conception of the State in State Recognition Theory." *Boston University International Law Journal* 27 (1).

Zardykhan, Z. 2004. "Russians in Kazakhstan and Demographic Change: Imperial Legacy and the Kazakh Way of Nation-Building." *Asian Ethnicity* 5 (1): 61–79.

IRSTI
03.20

Nurzhan Konrbayev¹, Assiya Bagdauletova²

¹PhD, leading researcher, Institute of State History Ministry of Science
and Higher Education of the Republic of Kazakhstan,
Astana, Kazakhstan

e-mail: nurjan12.kz@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1284-3403>

²Master of International Business law and arbitration,
Institute of State History Ministry of Science
and Higher Education of the Republic of Kazakhstan,
Astana, Kazakhstan

e-mail: asiyabagdauletova@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0004-7507-5928>

SCIENTIFIC RELATIONS BETWEEN KAZAKHSTAN AND TURKEY IN 1991-2022

Abstract. The first country to recognize the independence of Kazakhstan was Turkey. Kazakhstan and Turkey are brotherly, related states with a shared history. Since 1991, Kazakhstan and Turkey have been developing relations in various spheres. One of these spheres is education and scientific cooperation. The relationship between Turkey and Kazakhstan has deep historical roots, reflected in their common origin, shared spiritual foundations, and brotherly ties. The main factor that brings the two countries closer is their shared origin, similarities in religion and culture, and their ethnolinguistic proximity. For the development of any state, the level of education and literacy of its population is paramount. The relevance of studying the educational and scientific connections between Kazakhstan and Turkey is examined based on several key themes. By comparing the educational systems of the two brotherly nations and analyzing their histories, scientific conclusions can be drawn regarding their similarities and differences, as well as the potential for further cooperation in this field.

Keywords: Kazakhstan, Turkey, history, science, culture, education, communication.

Нұржан Қоңырбаев, Бағдаулетова Асия

ҚАЗАҚСТАН-ТҮРКИЯ АРАСЫНДАҒЫ ҒЫЛЫМИ БАЙЛАНЫСТАР 1991-2022 ЖЖ.

Аңдатпа. Қазақстан тәуелсіздігін алғаш мойындаған ел - Түркия. Қазақстан мен Түркия туыс, тарихы бір, бауырлас мемлекеттер. Қазақстан мен Түркия 1991 жылдан түрлі салаларда байланыс орнатып келеді. Соның бірі оқу-ағарту және ғылыми байланыстар. Түркия мен Қазақстанның қарым-қатынасының бастауы тереңде, түбі бір туысқандығында, біртұтас рухани негіздерінде көрініс тапқан. Екі мемлекетті жақындастыратын басты фактор - екі халықтың түбі бір туыстығы, діні мен ділі бір, этнолингвистикалық жақындығы бар. Кез-келген мемлекеттің дамуы үшін ең бірінші халықтың оқу-сауаттылығы маңызды. Қазақстан-Түркия: оқу-ағарту және ғылыми байланыстарына қатысты зерттеу нысанын алудың өзектілігі бірнеше тақырыптар негізінде қарастырылады. Екі туысқан елдің оқу, білім жүйелерін салыстыра отырып, тарихи талдап, ғылыми қорытындылар жасау.

Түйін сөздер: *Қазақстан, Түркия, оқу-ағарту, тарих, ғылым, мәдениет, білім, байланыс.*

Нуржан Конрбаев, Асия Бағдаулетова

НАУЧНЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ КАЗАХСТАНОМ И ТУРЦИЕЙ 1991-2022 ГГ.

Аннотация. Первой страной, признавшей независимость Казахстана, стала Турция. Казахстан и Турция - родственные, исторически связанные, братские государства. С 1991 года между Казахстаном и Турцией устанавливаются связи в различных сферах. Одним из направлений является образование и научные связи. Начало отношений между Турцией и Казахстаном уходит глубоко в историю, проявляется в их единстве происхождения, духовных основах. Главным фактором, сближающим два государства, является родство двух народов, единая религия и язык, этнолингвистическая близость. Для развития любого государства в первую очередь важна грамотность народа. Актуальность выбора объекта исследования, связанного с образовательными и научными связями Казахстана и Турции, рассматривается на основе

нескольких тем. Сравнивая системы образования двух братских стран, исторически анализируются и делаются научные выводы.

Ключевые слова: *Казахстан, Турция, образование, история, наука, культура, знания, связь.*

INTRODUCTION

It is well known that one of the uniquely important tasks of historical science is to shape public consciousness and carry out an educational function. One of the most significant issues among historical studies is the exploration of the spiritual essence of society. Among these is the historical examination of educational and scientific ties between Kazakhstan and Turkey, two brotherly nations sharing the same religion and language. In general, after analyzing domestic and foreign scientific research related to the educational and scientific connections between Kazakhstan and Turkey, we see the need to study this topic more thoroughly. There are only a few scholarly works concerning educational relations between Kazakhstan and Turkey. Most of them primarily cover political, diplomatic, and cultural ties between the two countries. Therefore, we consider educational and scientific relations between Kazakhstan and Turkey to be important. This article undertakes a study that is relevant to contemporary Kazakh society - aimed at preserving the integrity of the national code and national consciousness formed through the historical understanding of the Kazakh people in the context of globalization, as well as revitalizing historical memory.

RESEARCH METHODOLOGY

During the writing of this article, objectivity and comparative analysis methods were employed. Facts and agreements related to educational, scientific, and cultural ties between Kazakhstan and Turkey were examined. Documentary analysis methods were applied to the protocols between the two countries. Interdisciplinary approaches were also used comparatively.

RESEARCH RESULTS

The ties between Kazakhstan and Turkey date back to the 1930s. Turkey's first president, Mustafa Kemal Atatürk, said in 1933, «Today we are friends with the Soviet Union; under its governance are brothers with the same language, faith, and origin. We cannot wait for them to come closer to us; we must come closer to them through strengthening spiritual bridges - bridges

of language and faith» (Kozganbaeva 2018, 74). This statement reflects the fraternal relationship Turkey has maintained with Kazakhstan since the 1930s. Official relations between Kazakhstan and Turkey began in 1990, when Turkey's Minister of Culture Namık Kemal Zeybek and Kazakhstan's Culture Committee signed an agreement on cooperation in education, scientific projects, exchange of specialists and scientists, and joint cultural events (Agreement Protocol 1990, 5-6). These documents addressed educational assistance, cooperation between higher education institutions, exchange of students and scientific staff, joint projects, and establishing cultural centers involving youth from both countries. These initiatives offered significant opportunities for citizens of both brotherly nations. Since then, ties in various fields including education and science have expanded.

On March 2, 1992, diplomatic relations were officially established between Kazakhstan and Turkey. Subsequently, on April 12, 1992, Turkey opened its first embassy in Kazakhstan, and in October 1992, Kazakhstan opened its first embassy in Ankara. Kazakhstan's first President, Nursultan Nazarbayev, stated, «Kazakhstan and Turkey have always been closely connected as kindred and related nations. Our shared history, language, and faith bring us even closer. As two major Turkic states, Kazakhstan and Turkey have many joint tasks. We must fully utilize our opportunities bilaterally and multilaterally» (Tuymebayev 2012, 6). Here, Nazarbayev's mention of bilateral and multilateral foundations includes education and science sectors as well. In 1996, on the 5th anniversary of friendship and relations between Kazakhstan and Turkey, documents noted that «educational and scientific relations between Kazakhstan and Turkey gained momentum primarily due to cultural and art days held in 1991, 1992, and 1996» (Kazakhstan–Turkey: Five Years of Friendship and Relations 1996, 10-11). Recognizing the importance of education, mutually beneficial schools and educational institutions were opened. Exchange programs for students and faculty were also established. The first Kazakh-Turkish lyceums were opened in Kazakhstan for boys and girls; these institutions achieved significant successes in national and international competitions. Today, these lyceums have been renamed as Education Innovation Lyceums, although their education systems remain unchanged. M.B. Mukhamedov, in his works, scientifically analyzed various relations between Kazakhstan and Turkey. He noted, «To foster deeper relations, on May 1, 1992, in Almaty, an agreement was signed on cooperation in education, science, culture, and sports» (Mukhamedov 1999, 29). This agreement prioritized education and science. Based on these agreements, the spiritual capital Turkistan city hosts the International Kazakh-Turkish University named after Khoja Akhmet Yassawi - the first international

university in Kazakhstan. Diplomas from Yassawi University are recognized as equivalent in Kazakhstan, Turkey, and the Turkic world. Moreover, cooperation in education between Kazakhstan and Turkey was formalized on May 19, 1992, in Ankara via a protocol signed by Kazakhstan's Ministry of Education and Turkey's National Ministry of Education. The protocol outlined key educational cooperation measures: studying each other's educational systems and curricula; exchanging specialists, students, teachers, literature, and teaching materials; awarding scholarships; organizing international educational contests and competitions; and establishing Turkish language centers in Kazakhstan.

These bilateral agreements defined specific practical steps and future plans benefiting both brotherly countries. Furthermore, in 1992, the Turkish Cooperation and Coordination Agency (TIKA) was established to coordinate various projects and programs between Turkey and Turkic states - including education, agriculture, military, entrepreneurship, culture, and tourism. This demonstrates Turkey's comprehensive support for newly independent Turkic states. Such support positively contributed to Kazakhstan's economy in the early independence period. Currently, scientific and educational ties between Kazakhstan and Turkic states continue to improve. Scientific conferences involving individual and joint participants are regularly held between scholars of both countries. This has enhanced scholarly cooperation and opened new directions. Unlike early independence years, when Turkey lacked similar extensive ties with countries such as England, China, Korea, the USA, and France, today Turkey's relations with Kazakhstan are more developed historically.

The 1999 Turkish-language book by F. Budak, «Kazakhstan: Yesterday, Today, Tomorrow,» helped introduce Kazakhstan's history, economy, culture, and social life to Turkey, strengthening scientific ties. In 2000, scholars from Yassawi University published conference proceedings on Kazakhstan-Turkey scientific, educational, and cultural relations (Conference Proceedings 2017, 20-21). The article highlights that many relations between Kazakhstan and Turkey focus on education, science, culture, and religion. Teacher and student internships, scholarships, and the establishment of scientific laboratories were discussed. The university also publishes the journal «Young Turkistan» which covers the history, language, ethnography, science, education, and Turkic peoples' relations from a scholarly perspective (Bulyutay 2001, 5). Kazakhstan hosts two joint universities and 28 educational lyceums (formerly Kazakh-Turkish schools). The International Kazakh-Turkish University named after Khoja Akhmet Yassawi and Suleyman

Demirel University are operational. Additionally, in Istanbul's Zeytinburnu district, where many Kazakhs reside, the Abay School was opened in 2003 with the participation of Nursultan Nazarbayev. On the 175th anniversary of Abay Qunanbayuli, Abay Avenue and a monument bust were inaugurated in Zeytinburnu with participation from Kazakhstan's Deputy Prime Minister and Foreign Minister Mukhtar Tileuberdi and Istanbul Mayor Ekrem İmamoğlu. Elementary schools named after Farabi were opened in Erzurum and Muş (Kazakhstan-Turkey Relations 2025, 2-3). These reflect the brotherly ties between the two countries. Numerous conferences are held regularly at Turkish universities and research centers on topics related to Kazakhstan-Turkey relations. Scholars from both countries have conducted extensive research and published books, scientific works, and informational articles.

Currently, the Turkish government annually allocates more than 200 scholarships under «Turkey Scholarships» and «Turkey Bursaries» programs for Kazakh citizens to study at universities in Anatolia. The first year focuses on Turkish language study; students must pass a language proficiency exam to continue to the main academic programs. Comparing tuition fees, Kazakh universities are several times more expensive than Turkish universities. Therefore, middle-class families in Kazakhstan whose children cannot gain grants to study their desired specialty locally often choose Turkish universities. While this is beneficial in some respects, it may also cause youth to quickly adapt and settle abroad. Istanbul University opened the Al-Farabi Eurasian Research Center and runs student exchange programs with leading universities in Turkey and Kazakhstan, including «Mevlana» programs. Turkey hosts 15 monuments, 9 cultural centers, 4 schools, 18 streets, and 12 parks named after Kazakhstan (Kazakhstan-Turkey Relations, 1-2). However, the number of students and graduate students from both countries does not yet fully reflect the population's eagerness for education. More universities and increased cooperation are needed. To promote Kazakh prominent figures in Turkey, 1993 was declared the Year of Khoja Akhmet Yassawi, 1995 the Year of Abay, 1996 the Year of Zhambyl, and 1998 the Year of Kurmangazy. The centennial of M. Auezov and the 5th anniversary of diplomatic relations between Kazakhstan and Turkey were celebrated in 1997. During these events, Abay's works were translated into Turkish and published (Early Stages of Cultural and Scientific Relations between Independent Kazakhstan and Turkey 2025, 1-2). Over 100 works of Kazakh poets and writers have been translated into Turkish with Turkey's support. Scientific conferences have been held at Turkish universities. Since 1992, the «Large Student Project» in Turkey has invited students from Turkic-speaking states and autonomous republics, including Kazakhstan, to study

in Turkey. Between 1992 and 2002, 2,450 students from Kazakhstan studied in Turkey, with 180 in secondary education and 2,270 in higher education (Abzharova 2017, 173). Currently, tourism, military, and medical specialties in Turkey are in high demand. Joint courses, seminars, and internships would be mutually beneficial for citizens of both countries, also providing cost-effective options for Kazakhstan. Turkish scholar Mustafa Bostancı noted, «In the 2011–2012 academic year, 175 higher education scholarships were granted from Turkey to Kazakhstan. Additionally, 50 scholarships were allocated to Turkish-origin residents of Kazakhstan. By 2015, over 3,000 Kazakh students had graduated from Turkish universities, with over 700 still studying» These figures may be underestimated. According to Emre Bursa in the 2016–17 academic year 2,015 Kazakh students were enrolled in Turkish universities: 1,048 female and 967 male. Distribution of students according to their educational programs:

1. Associate degree - 112 (37 girls, 75 man)
2. License - 1249 (530 girls, 719 man)
3. Post graduate - 406 (256 girls, 150 man)
4. Doktor - 248 (144 girls, 104 man)

The largest number (202 students) study at Istanbul University (Emre Bursa 2017, 13). These numbers are expected to grow. Since 1990, leaders of Kazakhstan and Turkey have maintained bilateral meetings in education, science, and culture. These meetings have yielded continuous scholarly and institutional cooperation. Studying the Kazakh diaspora living in Turkey since 1953 provides insight into their real living conditions in education, science, arts, and politics. Between 1991 and 2022, numerous documents were signed between Kazakhstan and Turkey on various cooperation areas. Several PhD, doctoral, and candidate dissertations have been defended on these topics. Studies have been conducted on Hasan Oraltaı, Khalifa Altay, Mustafa Öztürk, the migration history of Kazakhs in Turkey, and the ethnography and traditions of Turkish Kazakhs. These works have served as bridges between the two countries. Currently, Turkey is the country with which independent Kazakhstan's scholars maintain the most scientific contacts. Recently, several joint projects on IT technologies have been implemented between the two countries. The Organization of Turkic States has signed memorandums and strategies on cooperation among IT hubs and digital human capital systems among member states, including Kazakhstan and Turkey (Kanay 2000, 4-5). IT is currently the most promising and rapidly developing sector globally. Turkey has recently advanced its IT sector and ranks among the top ten arms exporters worldwide. Kazakhstan must also

master new technologies to counter cyberattacks and other emerging threats. Kazakhstan's first President (1991-2019), Nursultan Nazarbayev, said, «We are Turkic-speaking states and will do our utmost to strengthen relations with Turkic-speaking countries» (Nazarbayev 2006, 267). In the early years of independence, Kazakhstan signed many bilateral agreements. Turkey and Kazakhstan began economic, cultural, humanitarian, and scientific cooperation first. These efforts resulted in agreements among leaders, ministers, and regional heads. Turkey became Kazakhstan citizens' first school for cultural, educational, scientific, and humanitarian professional experience exchange.

CONCLUSION

As an independent country, Kazakhstan's relations with Turkey will not weaken but grow stronger. Numerous ties exist between Turkey and Kazakhstan in economics, culture, trade, military, medicine, education-science, humanitarian aid, and IT technologies. Currently, the Cooperation Council of Turkic Speaking States headquartered in Istanbul, the Parliamentary Assembly of Turkic Speaking States in Azerbaijan, the International Turkic Academy in Astana, the International Turksoy Organization in Ankara, the Turkish Business Council, and the Nomadic Civilizations Centers in Bishkek strengthen Turkic peoples' unity in politics, science, education, culture, and national sports. For further development of educational ties between the two countries, stability and peace are first needed in both states. Second, economic potential is required to develop better programs. To implement large projects, financial support and special programs from both countries are necessary. Moreover, over ten sister-city partnerships exist between Kazakhstan and Turkey. It is expected that the ties between these brotherly countries will develop intensively, and our unity and actions will stem from the same source. Long live Turkic unity!

REFERENCES:

Abzhaparova, L.Zh. 2025. Halyqtiq diplomatiya – halyqaralyq gumanitarlyq yntymaqtastyqtyn damu kepili retinde (qazaq–turik qatynastary mysalynda). Qoljazba esebinde. (Accessed May 20, 2025).

Bulutai, M. 2001. «Qazaqstan–Turkia qatynastary qalai damuda.» Turkistan, November 18.

Bursa, Emre. 2017. «Turkiye–Kazakistan iliskileri ve yuksek eđitim politikaları.» Karabuk Universitesi. Sosyal ve beşeri bilimler dergisi, 1(2): 1–20.

Kozgambaeva, G. 2018. «Alash orda ukimetinin qurylganyna 100 zhyl.» Abai atyndagy QUPU Habarsysy. Tarikh zhane saiasi-aleumettik gylymdar seriasy, no. 1 (56): 72–76.

Mukhamedov, M.B. 1999. Tauelsiz Qazaqstannyn syrtqy saiasatynda negizgi basym baqytardyn qalyptasuy. Almaty.

Nazarbaev, N.A. 2006. Kazahstanski put (The Kazakh way). Karaganda.

Q.A.Iasui atyndagy HQTU professor oqytushylar quramynyn gylymi-teorialyq zhane oqu-adystemelik gylymi konferensia enbekteri. 2000. Shymkent.

Qanai, O. 2022. «Turki memleketteri uymynyn Samarqand sammiti: Ortaq tarihtan – ortaq bolaşaqqa.» Asy Auropa, no. 76 (November): 4–5.

Qazaqstan – Turkia: dostyq pen qarym-qatynasta 5 zhyl. Is-qujattar jinagy. 1996. Ankara.

Qazaqstan Respublikasy men Turik Respublikasy arasyndagy qatynastar. <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/513?lang=kk> (Accessed May 20, 2025).

Tauelsiz Qazaqstan zhane Turkiya Respublikasynyn arasyndagy madeniet pen gylym salasyndaǵy bajlanystardyn algashqy kezeńderi.” <https://malimetter.kz/...> (Accessed May 20, 2025).

Tuimebaev, Zh.Q. 2012. Qazaqstan–Turkia dostyq pen yntymaqtastyqtyn 20 jyly. Ankara.

«Turkia Respublikasynyn Madeniet ministri Namyk Kemal Zeibek pen Qazaq KSR basqarma kenesi orynbasary Kumyszhan Omirbaeva arasynda jasalğan kelisim khattamasy.» 1990. December 5.

IRSTI
5.54.02

Zhanat Momynkulov

*Senior Lecturer, Candidate of philosophical science,
L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Kazakhstan
E-mail: zhan.mom8121@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6818-9397>*

CENTRAL ASIA AS A GROWING REGION OF GLOBAL INTEREST: PROSPECTS AND RISKS IN A CHANGING GEOPOLITICAL LANDSCAPE

Abstract. Central Asia is undergoing a profound geopolitical transformation, evolving from a perceived periphery of global politics into a pivotal hub of international trade, diplomacy, and energy security. This paper examines the region's rising significance by analyzing demographic growth, economic diversification, transport connectivity, and diplomatic agency while assessing key risks including great-power rivalry, environmental stress, and institutional challenges. Drawing on recent scholarship and geopolitical assessments, it argues that Central Asia is positioned to become a middle-power bloc in Eurasia, with Kazakhstan and Uzbekistan emerging as strategic actors. However, sustained regional integration, balanced diplomacy, and adaptive governance will determine whether the region can navigate growing external pressures and internal vulnerabilities to shape its future trajectory.

Keywords: *Central Asia, Kazakhstan, geopolitics, regional integration, Belt and Road, climate.*

Жанат Момынқұлов

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ – ЖАҒАНДЫҚ МҮДДЕЛЕР ТОҒЫСҚАН КЕҢІСТІК ЖӘНЕ ӨЗГЕРМЕЛІ ГЕОСАЯСАТТЫҢ КЕЛЕШЕГІ МЕН ТӘУЕКЕЛДЕРІ

Аңдатпа. Орталық Азия терең геосаяси өзгерістерден өтіп жатыр және бұрын әлемдік саясаттың шеткі аймағы саналған болса, қазір

халықаралық сауда, дипломатия және энергетикалық қауіпсіздіктің маңызды орталығына айналып барады. Осы мақалада аймақтың өрлеуі демографиялық өсім, экономикалық әртараптандыру, транспорттық байланыстар және дипломатиялық белсенділік арқылы қарастырылатыны, сондай-ақ негізгі тәуекелдер ретінде ірі державалардың бәсекелестігі, экологиялық және институттық қиындықтар бағаланады. Қазіргі зерттеулер мен геосаяси бағалауларға сүйене отырып, Орталық Азия Еуразияда орта ауқымды мемлекеттер блогына айналуға әлеуеті бар деп саналады. Әсіресе, Қазақстан мен Өзбекстан стратегиялық ойыншылар ретінде ерекшеленеді. Дегенмен, аймақтық интеграцияның тұрақтылығы, теңгерімді дипломатия және икемді басқару сапасы аймақтың сыртқы қысымдарды азайту және ішкі осалдықтарды шешу арқылы өз болашағын қалыптастыратынын анықтайды.

Түйін сөздер: Орталық Азия, Қазақстан, геосаясат, аймақтық интеграция, «Белдеу және жол», климат.

Жанат Момынқұлов

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ КАК РАСТУЩИЙ РЕГИОН ГЛОБАЛЬНОГО ИНТЕРЕСА: ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ В МЕНЯЮЩЕЙСЯ ГЕОПОЛИТИКЕ

Аннотация. Центральная Азия претерпевает глубокую геополитическую трансформацию, превращаясь из воспринимаемой периферии мировой политики в ключевой центр международной торговли, дипломатии и энергетической безопасности. В статье рассматривается растущее значение региона через анализ демографического роста, экономической диверсификации, транспортной связности и дипломатической активности, а также оцениваются ключевые риски, включая соперничество великих держав, экологические нагрузки и институциональные вызовы. Опираясь на современные исследования и геополитические оценки, автор утверждает, что Центральная Азия имеет потенциал стать блоком средних держав в Евразии, при этом Казахстан и Узбекистан выступают стратегическими акторами. Однако устойчивость региональной интеграции, сбалансированная дипломатия и адаптивное управление определяют, сможет ли регион справиться с внешними давлениями и внутренними уязвимостями для формирования своей будущей траектории.

Ключевые слова: Центральная Азия, Казахстан, геополитика, региональная интеграция, «Пояс и путь», климат.

INTRODUCTION

Once regarded as a remote frontier, Central Asia has reemerged as a strategic epicenter of international importance in Eurasian continent. The region's geopolitical revival reflects a convergence of global and regional dynamics: Russia's declining influence in Caucasus and Central Asia following its war in Ukraine, China's economic rise and infrastructure diplomacy, the West's renewed engagement, and growing Middle Eastern and South Asian interest in Eurasian trade and energy corridors. The Central Asian republics are pursuing gradual reforms and pragmatic regional initiatives aimed at fostering economic diversification, strengthening security cooperation, and improving logistics and connectivity.

The shift is also driven by demographic momentum and a changing global order. Central Asia's population has surpassed 85 million, with projections indicating significant growth, especially in Uzbekistan, which is set to exceed 40 million by 2029. This study provides a comprehensive analysis of the region's emerging opportunities and risks, examining Central Asia's role as both a beneficiary and a driver of geopolitical change.

Central Asia is strengthening its political agency and sense of cohesion. Kazakhstan and Uzbekistan as the driving forces shape the regional agenda through multi-vector diplomacy and transport projects. China reinforces the role of the SCO and the Belt and Road Initiative, while Europe and the U.S. expand economic cooperation, and Turkey and Gulf states increase regional investments. The region is striving to become more integrated into global networks.

Nevertheless, the key structural challenges remain: dependence on external actors in geopolitics, the negative impact of the Ukraine conflict, the uncertain situation in Afghanistan, lack of final consensus on water management, and climate threats. Kazakhstan mediates between global powers, Uzbekistan promotes regional openness, Kyrgyzstan and Tajikistan emphasize cultural and water resources, and Turkmenistan gradually opens through energy policy. In this context, external influences continue to pose risks to regional autonomy: Chinese and Russian investments foster economic dependencies, Western actors primarily compete for resource access, and climate and water challenges demand coordinated responses.

RESEARCH MATERIALS.

This study uses a *mixed-methods approach* to explore Central Asia's geopolitical transformation. It draws on *document analysis* of official

statements, government reports (Gov.kz 2024), multilateral publications (SCO, CICA), and policy briefs from leading research centers (DGAP 2023; Eurasian Research Institute 2024). A *literature review* of peer-reviewed articles, think tank studies, and regional analyses (Modern Diplomacy 2023; Cacialanalyst.org 2023) provides context for evolving trends.

To illustrate key dynamics, *case studies* of Kazakhstan and Uzbekistan highlight their roles as emerging middle powers, with emphasis on multi-vector diplomacy, connectivity initiatives, and integration projects (AsiaPlus 2024). *Demographic and socioeconomic data* from the UN and World Bank further support analysis of population growth, urbanization, and labor shifts. By combining qualitative and electronic sources, the study *triangulates* evidence and connects empirical findings with geopolitical and development theories (Kaplan 2022; Mahbubani 2021; Cooley 2023), offering a comprehensive view of the region's transformation.

RESEARCH RESULTS. KEY DIMENSIONS OF CENTRAL ASIA'S STRATEGIC GROWTH AND POTENTIAL TRANSFORMATION

This study highlights that Central Asia is transitioning from a peripheral geopolitical space into a strategic hub of Eurasian connectivity, trade, and diplomacy. The region's growth trajectory and potential transformation are shaped by several interlinked dimensions:

Central Asia is no longer a passive geopolitical space, it is becoming a stage where regional actors carefully shape the script. Owing to the *Multi-Vector Agency* Kazakhstan exemplifies this transformation, leveraging multi-vector diplomacy to mediate conflicts and host global dialogues through platforms like the SCO and CICA while preserving close and flexible ties with Russia. Uzbekistan's foreign policy revival following power transit reflects a similar energy, as bold initiatives such as the Trans-Afghan Railway and the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan corridor seek to redraw the region's transport map and extend its influence southward.

The region's greatest asset is its *demographic momentum and youth*: nearly half the population is under 30. Uzbekistan's rapid demographic growth gives it the weight of a future regional powerhouse, while Kazakhstan's investment-driven urban centers position it as a magnet for foreign capital. Including Afghanistan and Azerbaijan, the wider region could host over 200 million people by 2050, making Central Asia not only a logistics hub but also a dynamic economic and social space. Yet, beneath this dynamism lie structural tensions (youth unemployment, migration pressures, and widening

inequality) that could either propel innovation or destabilize progress if left unaddressed.

Central Asia's geography is being reimagined through a web of new transport corridors: China's BRI, the Middle Corridor, the Trans-Caspian route and the INSTC are transforming landlocked states into continental crossroads. Due to increasing *connectivity and diversification* of routes, Kazakhstan is emerging as a logistical keystone, with EU- and Turkey-backed initiatives offering much-needed alternatives to Russia-dependent routes. Still, heavy reliance on Chinese investment for BRI projects raises risks of economic dependency, sharpening the imperative for balancing or diversification and regional-led financing strategies. The region's renewed diplomacy works for ambitious transport projects aimed at reshaping connectivity and expanding influence southward.

Climate stress is a quiet but serious threat to regional development. The Aral Sea disaster, desertification, and pressures on key rivers like the Amu Darya, Syr Darya, Irtysh, and Ili highlight the urgency of stronger water cooperation. It is possible that in the mid-term future the Irtysh and Ili rivers will become strategically significant, comparable to the Caspian region. With Central Asia upstream dam projects and changing glacier flows are straining relations, while growing populations increase demand. Regional initiatives such as joint water commissions, basin-level agreements show progress, but lasting solutions will require better regional coordination and governance, smarter irrigation, cross-border infrastructure, and a cultural shift toward sustainable water use.

Cultural identity remains a powerful driver of regional cohesion. A shared history, linguistic ties, and intertwined traditions form a strong foundation for unity, even as national narratives sometimes diverge. Initiatives like Central Asia 2040 highlight a collective vision on linking trade, digital networks, and cultural diplomacy to shape a region that is not just interconnected but self-confident, modern, and united in its identity.

Great-power competition continues to define the regional landscape, yet Central Asian states increasingly assert themselves as strategic actors rather than passive arenas of influence. They balance and navigate a complex web of Russian security guarantees, Chinese economic power, Turkish soft diplomacy, and Western political engagement through sophisticated multi-vector strategies aimed at safeguarding sovereignty. However, this delicate balancing act carries significant risks: overdependence on any one partner may invite economic coercion, entangling security commitments, or political leverage that undermines autonomy.

Central Asia's political transformation is uneven but ongoing through *institutional modernization and developing governance*. Institutional reforms in governance, anti-corruption, and rule of law are key drivers for attracting foreign investment and fostering long-term growth.

DISCUSSION OF THE STUDY.

Geopolitical repositioning and regional agency is a key factor in the region. Central Asia's geostrategic location, bordering China, Russia, South Asia, and the Middle East, has long shaped its security and economic outlook. Yet, the region is no longer merely a passive arena of great-power rivalry; it is increasingly asserting its own diplomatic agency.

Kazakhstan exemplifies this shift through its multi-vector diplomacy, positioning itself as a bridge between East and West and a mediator in regional conflicts, including its hosting of peace negotiations and its leadership within multilateral organizations like the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) and the Conference on Interaction and Confidence-Building Measures in Asia (CICA) (Geopolitical Monitor 2024). Uzbekistan's ambitious reforms under President Mirziyoyev have reinvigorated its foreign policy, promoting regional cooperation and connectivity projects, such as the Trans-Afghan railway and the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan corridor (AsiaPlus 2024).

This emerging «middle power» dynamic signals a slow and careful departure from post-Soviet dependency on Moscow. Russia's war in Ukraine has accelerated the diversification of partnerships, with Central Asia engaging China, Turkey, the European Union, and Gulf states. As analysts from the German Council on Foreign Relations argue, this represents "a rare window of opportunity for regional states to shape their geopolitical future" (DGAP 2023).

Demographic transformation and socioeconomic potential of Central Asia are constantly growing. Demography is becoming Central Asia's most powerful strategic asset. With nearly half of its population under 30, the region is poised for significant labor force expansion. Uzbekistan's projected demographic boom positions it as a key growth engine, while Kazakhstan's focus on education and human capital along with fast urbanization of population. This potential capacity is transforming it into a gateway for global integration and foreign capital. Uzbekistan's demographic trajectory positions it as the most populous and fastest-growing state in Central Asia, with over 38 million people in 2025 and projections of 41 million by 2030. This rapid growth, concentrated in the densely populated Fergana Valley, signals a youthful population structure that could generate a substantial

demographic dividend if matched with investment in education, job creation, and innovation.

However, demographic growth presents challenges alongside opportunities: pressure on urban infrastructure, healthcare, housing, and natural resources, particularly water and land, is intensifying. Internal migration toward larger cities and regional centers will demand improved transport and social services, while high fertility rates highlight the need for women's employment opportunities and modern family planning policies.

For Central Asian states, demographic expansion requires strategic reforms to avoid unemployment, inequality, and environmental strain. Balanced social development and regional cooperation will be key to transforming this growth into a long-term advantage. Persistent social inequality risks destabilizing fragile political systems. Regional governments must convert this demographic dividend into human capital by investing in education, technology, and governance reforms. A failure to do so may exacerbate migration pressures and political unrest, particularly in Kyrgyzstan and Tajikistan.

Connectivity and the quest for diversified routes is of great importance for connectivity within the Organisation of Turkic states. Infrastructure and logistics are at the heart of Central Asia's transformation. For decades, the region relied heavily on Russian transit corridors for trade. Today, China's Belt and Road Initiative (BRI), the Middle Corridor (Trans-Caspian International Transport Route), and North-South Transport Corridor are reshaping its economic integration and geography. From the Uzbek perspective key transport routes linking Central Asia and Afghanistan, highlighting their strategic importance. It emphasizes infrastructure projects like the Trans-Afghan railway corridors (Termez-Mazar-i-Sharif-Kabul-Peshawar or Torghundi-Herat-Kandahar-Spin-Boldak), underscoring their potential to provide Central Asia with direct access to South Asian and Indian Ocean ports, reduce reliance on Russian and Iranian routes, lower logistics costs, and enhance regional trade integration. However, progress remains contingent on regional security and political stability.

Kazakhstan is becoming a key Eurasian logistics hub, using its Caspian ports and expanding railways to link China, Central Asia, and Europe. The Middle Corridor (TITR), backed by Turkey and the EU, offers a strategic alternative to Russian routes, boosting resilience amid sanctions. Modernized Aktau and Kuryk ports strengthen Caspian connectivity with the South Caucasus and Europe, while the Kazakhstan-Turkmenistan-Iran railway opens access to the Persian Gulf. On the Chinese border, Khorgos Gateway, a major dry port, anchors Belt and Road trade flows, and the Moyinty railway

upgrade improves freight speed and capacity. These projects strengthen the positions of Kazakhstan as a transit and investment hub, enhancing its geopolitical weight and economic diversification. These projects in Central Asia allow local states to diversify partnerships, enhance bargaining power, and attract investment.

Yet, connectivity competition also carries risks. Heavy reliance on Chinese financing and infrastructure might lead to open competition with Russia, debt vulnerabilities and political leverage, echoing debates about the “debt-trap diplomacy” narrative. Effective regional coordination is essential to ensure that transport diversification strengthens sovereignty rather than deepens dependency.

The next issues are climate change, water security, and environmental pressures make the region struggle from lack of investments and expertise. Climate change is one of the most underappreciated threats to Central Asia’s stability. The shrinking of the Aral Sea, desertification, and water scarcity illustrate the consequences of decades of environmental mismanagement. As water demand intensifies due to population growth, energy needs, and Afghanistan’s irrigation projects, transboundary tensions could escalate.

Water cooperation is becoming a core security priority for Central Asia. The region faces a worsening water crisis driven by climate change, population growth, and inefficient irrigation. The Amu Darya and Syr Darya, once fed by melting glaciers, are shrinking as glaciers recede and rainfall patterns shift. Outdated Soviet-era infrastructure, cotton monoculture, and weak water governance have caused severe waste and ecosystem collapse, most starkly seen in the Aral Sea disaster. Disputes between upstream states (Kyrgyzstan, Tajikistan), focused on hydropower, and downstream countries (Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan), reliant on irrigation, strain relations and threaten food, energy, and economic security.

While Kazakhstan and Uzbekistan have advanced bilateral frameworks and international partners are investing in climate adaptation, deeper regional governance and climate diplomacy are essential. Modern irrigation technology, basin-level management, and stronger cooperation are key to preventing water from becoming Central Asia’s most pressing geopolitical flashpoint. Kazakhstan also faces shared river challenges with China and Russia, adding urgency to water diplomacy. The rising geostrategic importance of the Caspian Sea and Lake Balkhash further underscores the need to overhaul Soviet-era water management agreements and establish a sustainable, regionwide framework for resource governance.

Issues of cultural identity present certain challenges to achieving regional cohesion. Despite shared cultural, linguistic, and religious heritage,

Central Asia has struggled to forge a unified regional identity. Soviet-era borders and divergent national trajectories have reinforced fragmentation. Yet, recent summits in Astana and Samarkand underscore a growing sense of collective responsibility. Initiatives like the “Central Asia 2040” vision seek to institutionalize regional identity through digital cooperation, trade harmonization, and cultural diplomacy (Modern Diplomacy 2023).

Yerkin Baidarov argues that Central Asia’s integration depends on a consciously built regional identity, based on shared history, cultural heritage, and territorial continuity rather than imposed narratives. He identifies civilizational synthesis (nomadic–sedentary cultures, Islamic traditions, Turkic and Iranian-Tajik influences, Soviet legacy) as a natural foundation for unity. Common challenges like climate and environmental risks can further drive cooperation. Baidarov stresses that self-shaped identity is key to strengthening the region’s geopolitical standing, resilience, and competitiveness (ISRS.uz). Though, Central Asia’s regional identity is challenged by divergent national narratives, competing historical interpretations, and the persistence of Soviet-era ethnic policies that fragmented traditionally intertwined cultural ties. These divisions, compounded by varying political systems, social problems and external influences, hinder deeper integration and a shared regional vision.

Kazakhstan has been particularly active in promoting cultural soft power, hosting international forums on religious dialogue and regional integration platforms. Such efforts not only strengthen Central Asia’s collective voice in global affairs but also support domestic stability by fostering a sense of belonging among diverse communities.

Regarding strategic risks, the competing interests of major powers create a complex dilemma that exposes the region to substantial political, economic, and security vulnerabilities. While Central Asia’s geopolitical agency is increasing, so too are its vulnerabilities. The region faces a complex balancing act between Russia’s historical and information influence, China’s economic power, Turkey’s cultural ties, and Western strategic interests.

China’s sensitive security agenda and deepening role through the BRI and trade agreements has elevated its influence, but also sparked debates about overdependence and strategic autonomy. China’s growing security ambitions within regional blocs pose risks of strategic dependence through closer political cooperation, surveillance infrastructure, and intelligence-sharing agreements that expand Beijing’s influence over domestic security agendas. For example, more aggressive secularization due to joint commitments might push states towards tighter control of social media and civic-religious influence. These dynamics may spark discontent, erode

regional sovereignty, limit policy autonomy, and entangle states in China's geopolitical rivalries, particularly with the West and Russia.

Russia remains a major security actor through organizations like the Collective Security Treaty Organization (CSTO), though its capacity is diminished. Meanwhile, U.S. and European engagement focuses on energy diversification, counterterrorism, and resilience against Russian and Chinese dominance. This triangular dynamic offers opportunities for multi-vector diplomacy, but mismanagement could entangle the region in great-power competition.

Russia's security role in Central Asia carries risks of overdependence through military bases, CSTO commitments, and arms sales that keep regional states within Moscow's strategic orbit. This influence can limit policy flexibility, constrain diversification of security partnerships, and indirectly draw the region into Russia's geopolitical alignment, international isolation and confrontations, particularly with the West.

CONCLUSION

Central Asia is no longer a «blank spot» on the map of global politics. The region is increasingly asserting its voice, using diplomacy and economic tools to project influence, while its natural resources and strategic transport corridors have become essential to the plans of major powers. Positioned between Europe and Asia, it has the potential to grow into a prosperous and stable hub with modernizing infrastructure, diversifying economies, and strengthening digital connectivity to integrate more deeply into global supply chains and attract sustainable investment.

Three decades after the Soviet collapse, Central Asia is entering a defining phase. Its demographic momentum, resource wealth, and connectivity potential are drawing renewed global attention, but this transformation is not without risks. Geopolitical competition, climate stress, institutional weaknesses, and external dependencies remain pressing challenges. Kazakhstan and Uzbekistan, as the region's largest states, are emerging as influential «middle powers,» using multi-vector diplomacy to navigate external pressures while seeking balanced domestic development.

Regional initiatives like the «Central Asia 2040» vision offer a roadmap for cooperation, but their success depends on trust-building and stronger governance. For policymakers and scholars, understanding Central Asia is no longer optional, it is vital. The region's trajectory will shape Eurasia's power dynamics, energy security, and global trade flows, positioning it at a crossroads between vulnerability and opportunity, with the chance to redefine itself as a key player in twenty-first-century geopolitics.

REFERENCES:

AsiaPlus (2024). Central Asia–Afghanistan Transport Initiatives: Risks and Opportunities. Dushanbe. <https://asiaplus.tj/en> (accessed: 20.05.2025).

Capsunlock.org (2023). China–Central Asia Summit: Strategic Outcomes and Risks. <https://capsunlock.org> (accessed: 20.05.2025).

Cacianalyst.org (2023). Kazakhstan and Uzbekistan: Emerging Middle Powers in Central Asia. Silk Road Studies Program. <https://www.cacianalyst.org> (accessed: 10.06.2025).

Consulate General of the Republic of Uzbekistan in Aktau (2023). The Demographic Potential of the New Uzbekistan. <https://uzconsulate-aktau.kz/> (accessed: 10.06.2025).

DGAP (2023). Central Asia’s Strategic Realignment: Implications for Europe and Beyond. German Council on Foreign Relations. <https://dgap.org/en> (accessed: 15.06.2025).

Eurasian Research Institute (2024). Central Asia 2040: Vision for Regional Integration. Almaty: Eurasian Research Institute. <https://eri.kz> (accessed: 15.06.2025).

Geopolitical Monitor (2024). Kazakhstan’s Foreign Policy and Regional Diplomacy. Toronto: GM. <https://www.geopoliticalmonitor.com> (accessed: 15.06.2025).

Gov.kz (2024). Ministry of Foreign Affairs of Kazakhstan: Official Statements on Foreign Policy Strategy. <https://www.gov.kz/mfa> (accessed: 05.08.2025).

ISRS Uzbekistan; Baidarov, Yerkin (2025, August 15). Regional Identity as the Basis for Central Asian Integration. <https://isrs.uz/en> (accessed: 20.08.2025).

Modern Diplomacy (2023). Cultural Identity as a Driver of Regional Integration in Central Asia. <https://moderndiplomacy.eu> (accessed: 05.08.2025).

Orfonline.org (2024). India’s North–South Transport Corridor: Strategic Implications. Observer Research Foundation. <https://www.orfonline.org> (accessed: 13.08.2025).

Wegerich, Kai & Overland, Indra (2012). Energy and Water Security in Central Asia: Solving a Rubik’s Cube. Routledge.

IRSTI
11.15.43

Maiya Uruzgaliyeva^{1*}, Venera Zheksembekova²

¹ *Researcher, Institute of State History Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan*
e-mail: maikun_93@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9611-7056>

² *Head of the Department of Eurasianism and Political Studies, Institute of State History Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan*
e-mail: venera6309@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0009-7239-1008>

PRESIDENTIAL ADDRESSES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AS A MECHANISM FOR THE FORMATION AND REFLECTION OF POLITICAL COURSE IN THE SYSTEM OF STATE GOVERNANCE

Abstract. The article examines the significance of presidential addresses within the system of public administration of the Republic of Kazakhstan. The authors emphasize their strategic, politico-legal, and communicative nature, analyzing the evolution of the content of such addresses from the period of institutional formation to the current stages of political modernization. It is underscored that the presidential address is not merely an annual form of political reporting, but also a crucial instrument of strategic programming, mobilization of state resources, and the shaping of the socio-political agenda. Particular attention is given to the transformation of the role of presidential addresses in the context of reforms, heightened public demand for governmental accountability, and the strengthening of the legitimacy of state policy. The article's conclusions confirm the importance of presidential addresses as an effective mechanism of political governance that ensures policy continuity, institutional stability, and reciprocal communication with society.

Keywords: *presidential address, public administration, political legitimacy, Republic of Kazakhstan, political modernization, transformation of power, strategic document.*

Майя Урузгалиева, Венера Жексембекова

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ПРЕЗИДЕНТ ЖОЛДАУЛАРЫ МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУ ЖҮЙЕСІНДЕ САЯСИ БАҒЫТТЫ ҚАЛЫПТАСТЫРУ МЕН БЕЙНЕЛЕУДІҢ ТЕТІГІ РЕТІНДЕ

Аңдатпа. Мақалада Қазақстан Республикасының мемлекеттік басқару жүйесіндегі президенттік жолдаулардың маңызы қарастырылады. Авторлар олардың стратегиялық, саяси-құқықтық және коммуникативтік табиғатына назар аудара отырып, жолдаулар мазмұнының институционалдық қалыптасу кезеңінен бастап қазіргі саяси жаңғыру кезеңдеріне дейінгі эволюциясын талдайды.

Президенттік жолдау – бұл тек жыл сайынғы саяси есеп беру нысаны ғана емес, сонымен қатар стратегиялық бағдарламалаудың, мемлекеттік ресурстарды жұмылдырудың және қоғамдық-саяси күн тәртібін қалыптастырудың маңызды құралы екені атап өтіледі.

Ерекше назар реформалар жағдайында жолдаулардың рөліне, биліктің есеп берушілігіне деген қоғамдық сұраныстың артуына және мемлекеттік саясаттың заңдылығын нығайтуға аударылған. Мақаланың қорытындылары жолдаулардың саяси басқарудың тиімді тетігі ретінде маңыздылығын растайды, ол саяси бағыттың сабақтастығын, институционалдық тұрақтылықты және қоғаммен кері байланысты қамтамасыз етеді.

Түйін сөздер: президенттік жолдау, мемлекеттік басқару, саяси легитимация, Қазақстан Республикасы, саяси жаңғыру, билік трансформациясы, стратегиялық құжат.

Майя Урузгалиева, Венера Жексембекова

ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ И ОТРАЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается значение президентских посланий в системе государственного управления Республики Казахстан. Авторы акцентируют внимание на их стратегической, политико-правовой и коммуникативной природе, анализируя эволюцию содержания посланий от периода институционального становления до текущих этапов политической модернизации.

Подчёркивается, что президентское послание – это не только ежегодная форма политической отчетности, но и важнейший инструмент стратегического программирования, мобилизации государственных ресурсов и формирования общественно-политической повестки.

Особое внимание уделено трансформации роли посланий в условиях реформ, повышенного общественного запроса на подотчётность власти и укрепление легитимности государственной политики. Выводы статьи подтверждают значимость посланий как эффективного механизма политического управления, обеспечивающего преемственность курса, институциональную стабильность и обратную связь с обществом.

Ключевые слова: президентское послание, государственное управление, политическая легитимация, Республика Казахстан, политическая модернизация, трансформация власти, стратегический документ.

INTRODUCTION

Modern public administration is inconceivable without effective mechanisms of strategic planning, political communication, and feedback between the government and society. In the Republic of Kazakhstan, as a state with a presidential form of governance, the institution of the presidency holds particular significance, within which the President's annual addresses to the people serve as a key instrument of political leadership.

The presidential address is not merely a rhetorical document or a formal statement. It is a strategic act that articulates the core priorities of domestic and foreign policy, outlines the directions of socio-economic development, and announces large-scale political reforms. These addresses function as a form of political navigation for state authorities, business structures, and civil society, serving as a kind of «roadmap» for the national political course.

Throughout the history of Kazakhstan's independence, presidential addresses have reflected the key stages in the evolution of state policy - from institutional formation and economic stabilization to digital transformation and attempts at political modernization. Their role has become particularly significant in recent years, against the backdrop of escalating socio-political challenges, constitutional reforms, and growing public demand for justice, transparency, and governmental accountability. The relevance of this study lies in the need for a comprehensive analysis of presidential addresses as a crucial instrument for shaping and reflecting political course amid the ongo-

ing transformation of Kazakhstan's political system.

RESEARCH METHODS.

The study employs a comprehensive approach, incorporating the historical method to trace the evolution of presidential addresses, comparative analysis to identify continuities and differences between the addresses of N. Nazarbayev and K. Tokayev, and content analysis to systematize their key themes and priorities. The institutional approach makes it possible to determine the place of presidential addresses within the system of state governance and their impact on legal regulation, while political science analysis allows consideration of these addresses as instruments of strategic planning, political communication, and legitimization of power.

RESULTS AND DISCUSSION.

Presidential addresses make it possible to evaluate not only the content of state strategy but also the specific features of decision-making and implementation, as well as to assess the degree of institutional maturity of public administration. According to the Constitution of the Republic of Kazakhstan, the President is the Head of State, the guarantor of the Constitution, citizens' rights and freedoms, and defines the main directions of domestic and foreign policy. In line with these powers, the President annually delivers an Address to the Nation, which constitutes an important instrument of strategic management and political leadership (Abildayev 2022).

The presidential address possesses a multilayered nature, combining legal, political, and administrative components. It occupies a special place in the system of public administration of the Republic of Kazakhstan. The address serves as a crucial link between the highest political leadership, state institutions, and society. Through this mechanism, the President's political initiative is implemented, the state agenda is shaped, and resources are mobilized for the achievement of strategic goals.

RESULTS AND DISCUSSION

Presidential addresses allow for an assessment not only of the content of state strategy but also of the processes of decision-making and implementation, as well as the degree of institutional maturity of public administration. According to the Constitution of the Republic of Kazakhstan, the President is the Head of State, the guarantor of the Constitution and

of citizens' rights and freedoms, and defines the main directions of the country's domestic and foreign policy. In accordance with these powers, the President annually delivers an Address to the Nation, which functions as an essential instrument of strategic management and political leadership (Satpaev 2023).

The presidential address possesses a multilayered nature, combining legal, political, and administrative components. It occupies a special place in the system of public administration of the Republic of Kazakhstan, serving as a vital link between the highest political leadership, state institutions, and society. Through this mechanism, the President's political initiatives are advanced, the national agenda is shaped, and resources are mobilized toward the achievement of declared goals.

The presidential address constitutes a multifunctional political and administrative instrument, simultaneously performing programmatic, communicative, and regulatory roles. Its impact extends well beyond the symbolic level - directly influencing the strategic and legal development of the state and functioning as a key element of Kazakhstan's political system.

Table 1. Main characteristics of the presidential address

A document of a strategic nature	The presidential address defines the priority directions of state policy in the short- and medium-term perspective. It sets the benchmarks for the country's development across various spheres: the economy, the social sector, security, foreign policy, the legal system, and others.
An instrument for setting tasks for state authorities	Through the address, the President formulates specific tasks for the Government, Parliament, regional administrations (akimats), and other state institutions. These tasks are subsequently incorporated into state programs, national projects, and legislative initiatives.
A form of political accountability and positioning	The address serves as a mechanism for summing up the results of the past period and declaring the political will of the Head of State. It reflects not only the current state of affairs in the country but also the political philosophy, ideology, and strategy of the President.
An impetus for regulatory and legal development	Despite its non-normative status, presidential addresses often provide the basis for the subsequent drafting and adoption of laws, decrees, state programs, and other legal acts.

Source: compiled by the authors

Although the Presidential Address is not a legal act in the strict juridical sense (it is not included in the hierarchy of legal acts defined by the Law «On Legal Acts»), it nonetheless carries considerable political and legal weight. In practice, the addresses are perceived as binding programmatic guidelines that determine the activities of state authorities (Zhumagulov 2019).

The content of the addresses is subsequently reflected in concrete regulatory documents, including strategic plans, roadmaps, reform initiatives, and annual reports of the relevant state bodies.

Thus, the presidential address constitutes a politico-administrative document situated at the intersection of a political declaration and a strategic programmatic document. Its impact on state policy manifests itself through the integration of the initiatives it outlines into the managerial and legal system of the country.

The Presidential Addresses of the Republic of Kazakhstan play a crucial role in consolidating the vertical of power, defining the vectors of state development, and shaping the socio-political agenda. They embody both long-term state strategy and responses to immediate challenges, making them a vital element of contemporary governance.

Below is a chronological list of major annual addresses delivered during the period of independence:

Addresses of President Nursultan Nazarbayev:

- October 1997 - first address following the adoption of the long-term strategy Kazakhstan 2030.
- September 1998 - regular annual address.
- September 1999 - address devoted to national security and stability on the eve of the new century.
- October 2000 - To a Free, Efficient, and Secure Society — focus on institutional reforms.
- September 2001 - On the Situation in the Country and the Main Directions of Domestic and Foreign Policy for 2002.
- April 2002 - Development of the Agro-Industrial Complex — reforms in agriculture and land policy.
- April 2003 - Main Directions of Domestic and Foreign Policy for 2004.
- March 2004 - A Competitive Economy — a Competitive Nation.
- February 2005 - Kazakhstan on the Path of Accelerated Economic, Social, and Political Modernization.
- March 2006 - annual address.

- 28 February 2007 - regular address.
- 6 February 2008 - Rising Welfare of Kazakhstan's Citizens Is the Main Goal of State Policy.
- 28 January 2011 - Building the Future Together (marking the 20th anniversary of independence).
- 10 January 2018 - New Opportunities in the Era of the Fourth Industrial Revolution.
- 5 October 2018 - Increasing the Welfare of Kazakhstan's Citizens: Growth of Income and Quality of Life.

Addresses of President Kassym-Jomart Tokayev:

- 9 April 2019 - address on the decision to hold early presidential elections.
- 2 September 2019 - Constructive Public Dialogue Is the Basis of Stability and Prosperity of Kazakhstan.
- 1 September 2020 - Kazakhstan in a New Reality: Time to Act.
- 1 September 2021 - Unity of the People and Systemic Reforms Are a Solid Foundation for the Nation's Well-Being.
- 16 March 2022 - New Kazakhstan: The Path of Renewal and Modernization (introducing the foundational concept of «New Kazakhstan»).
- 1 September 2022 - A Fair State. One Nation. Prosperous Society.
- 1 September 2023 - The Economic Course of a Fair Kazakhstan.
- 2 September 2024 - A Fair Kazakhstan: Law and Order, Economic Growth, Social Optimism.
- 08 September 2025 - Kazakhstan in the Era of Artificial Intelligence: Current Challenges and Their Solutions through Digital Transformation

Presidential addresses in the Republic of Kazakhstan have traditionally set the strategic benchmarks for socio-economic and political development. Through them, the Head of State identifies short- and medium-term priorities, initiates reforms in diverse areas - from the economy to the judicial system— and proposes changes to the institutional architecture of the state.

Presidential addresses simultaneously perform normative, strategic, and communicative functions, integrating the tasks of domestic and foreign policy, economic growth, social stability, and national unity (Isabekov and Tulemisov 2021). They serve as the official interpretation of the current state of affairs and of the desired trajectory of national development. The address constitutes a formalized expression of the political will of the Head of State, setting the course of development for both the near and long term, while shaping the system of priorities for the executive and legislative branches.

The legal status of the presidential address is enshrined in the Constitution of the Republic of Kazakhstan (Article 44), where it is defined as the obligatory annual form of communication between the Head of State and the people. It is regarded not only as a political statement but also as a document of strategic significance, exerting direct influence on the formulation of legislative initiatives, governmental programs, and administrative reforms.

A typical presidential address includes three interrelated components:

An analysis of the current socio-economic and international situation.

The formulation of priority tasks and challenges.

Specific directions of state policy and the mechanisms for their implementation.

By its very nature, the address combines the functions of strategic planning, political programming, and informational influence. It enables the articulation of national goals in a clear and accessible form, ensuring the coordination of efforts across all levels of government.

Thus, the presidential address serves not only as an administrative decision but also as a mechanism of political legitimation, reinforcing public trust and maintaining stability during periods of reform.

The Presidential Addresses of the Republic of Kazakhstan play a pivotal role not only in defining state policy but also in fostering broad-based support among the population and political institutions (Musin 2020). Through the act of public address, the Head of State generates national consensus, uniting diverse social, ethnic, and political groups around common goals and values.

The address functions as a tool of political legitimation, building public trust in government through transparent and open articulation of development plans and acknowledgment of existing problems. This reduces social tensions and strengthens stability, a particularly crucial factor during periods of large-scale reforms and transformations. Furthermore, the addresses contribute to institutional resilience by setting long-term reference points and creating a framework for policy continuity, regardless of leadership transitions. This enables the state to pursue a systematic approach to development while minimizing risks of political instability and crises of legitimacy.

Accordingly, the presidential address is not only a strategic document but also an important factor of social cohesion and political stability - conditions essential for the successful implementation of state reforms and the sustainable development of the country.

Alongside its function of shaping the development strategy, the presidential address also reflects the current political course, serving as a

public record of the outcomes, challenges, and directions of state policy. It provides insight into how the government evaluates the implementation of its goals, how it responds to domestic and external challenges, and how effectively it manages the country.

In this sense, the presidential address is a mirror of political reality: it reveals what has been achieved, which shortcomings are acknowledged, and what measures will be taken to address them.

Within Kazakhstan's political system, the presidential address constitutes not only a programmatic document but also a form of personalized accountability of the highest state official for the proposed strategic directions (Satpaeva 2020). Each address clearly reflects the President's role as a guarantor of stability, reform, and social justice, reinforcing the perception of the address as inseparably linked to the personal political will and intentions of the Head of State.

The formulations used in the addresses are often presented in the format of direct statements in the first person («I believe», «I instruct», «I am convinced»), which imbues the document with the character of a public commitment. This, in turn, raises the level of accountability of executive bodies for the implementation of the stated tasks and amplifies public expectations of concrete results.

Moreover, in the context of growing political literacy among the population and the increasing transparency of public administration, presidential addresses are becoming an instrument for assessing the accountability of the President before society. Previously announced initiatives and reforms are evaluated through the prism of their practical implementation, providing grounds for conclusions regarding the consistency and effectiveness of state governance as a whole.

Thus, the address functions not only as a tool of political orientation but also as a mechanism for strengthening the legitimacy of power, in which the personal involvement of the President serves as a guarantee of the reliability and stability of state policy.

In conditions of high global dynamics, domestic reforms, and the transformation of political institutions, the presidential address acts as a strategic anchor, ensuring continuity and stability of the political course. It allows the state to preserve the integrity and direction of public policy, even when certain priorities or methods of their implementation are adjusted.

The addresses demonstrate the continuity of key national goals: the development of human capital, modernization of the economy, strengthening social justice, expanding the role of civil society, and ensuring the rule of law. These goals - despite changes in wording and context - have remained

consistent for decades, from the first strategic address «Kazakhstan - 2030» to the contemporary concepts of «New Kazakhstan» and «Fair Kazakhstan».

Furthermore, the consistency and regularity of the addresses foster predictability in state policy, which is critically important both for the domestic investment climate and for foreign policy partners. In international practice, the predictability of political behavior is one of the key indicators of a mature state, and in this regard, presidential addresses function as a symbol of institutional stability.

CONCLUSION

Thus, the presidential address serves not only as a reflection of the current situation but also as a mechanism for preserving the strategic vector, ensuring the necessary balance between renewal and continuity in governing the country.

The presidential addresses of the Republic of Kazakhstan constitute a vital element of the country's political and administrative system, simultaneously performing strategic, program-regulatory, and communicative functions. They serve as an instrument for transmitting the political will of the Head of State, aimed at shaping a unified national policy and mobilizing state institutions and society for its implementation (Smagulov 2022).

An analysis of the evolution of the content of the addresses shows a gradual transformation of their character—from predominantly economically oriented programmatic documents to more complex political communications that address institutional reform, social justice, and the strengthening of civic participation. This trend has been particularly evident during the presidency of K.K. Tokayev, who, in response to a societal demand for change, initiated political reforms reflected in his annual addresses.

However, the effectiveness of presidential addresses as an instrument of public administration largely depends on the level of institutional development, political will for reform, and the existence of real mechanisms for implementing the declared initiatives. Certain challenges arise in the implementation of tasks at the regional level, as well as in aligning the addresses with long-term strategic documents.

Therefore, presidential addresses remain an indispensable mechanism for shaping and adjusting Kazakhstan's political course, reflecting both the state's priorities and its readiness for institutional transformation. Their further development as a governance tool requires enhanced transparency, institutional consistency, and stronger feedback mechanisms with society.

REFERENCES:

Abildayev, M. 2022. «Rol' prezidentskikh poslanii v sisteme gosudarstvennogo upravleniia.» [The role of presidential messages in the public administration system]. Nauchnyi vestnik KazNU 2(85): 33–38.

Isabekov, N. T., and Zh. R. Tulemisov. 2021. «Poslanie Prezidenta kak instrument formirovaniia politicheskogo kursa.» [The President's message as an instrument for shaping the political course]. Vestnik KazNPU im. Abaya. Serii: Politologiya i sotsiologiya 3(76): 41–47.

Musin, Ch. T. 2020. Gosudarstvennoe upravlenie: sovremennye podkhody i praktika Kazakhstana [Public administration: modern approaches and practice in Kazakhstan]. Nur-Sultan: Ekonomika.

Satpaev, Dosym. 2023. «Politicheskie transformatsii v Kazakhstane: analiz poslanii Prezidenta.» [Political transformations in Kazakhstan: analysis of the President's messages]. Central Asia Monitor 1: 17–24.

Satpaeva, G. 2020. «Rol' i znachenie prezidentskikh poslanii v politicheskoi sisteme Kazakhstana.» [The role and significance of presidential messages in the political system of Kazakhstan]. Kazakhstanskii zhurnal politologicheskikh issledovaniy 2 (18): 55–62.

Smagulov, A. M. 2022. «Evoliutsiia politicheskoi kommunikatsii v Kazakhstane: ot lozunga k strategii.» [The evolution of political communication in Kazakhstan: from slogan to strategy]. Central Asia Monitor 4: 23–30.

Zhumagulov, A. K. 2019. Institut prezidentstva v Respublike Kazakhstan: stanovlenie i razvitie [The Institute of the Presidency in the Republic of Kazakhstan: formation and development]. Almaty: Qazaq universiteti.

МРНТИ
11.25.67

Гаухар Даулетова*¹, Кулипа Байсултанова²

¹ магистр востоковедения, кандидат Ph.D международных отношений Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана

Алматы, Казахстан

e-mail: gaukhar-daulet@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2326-1978>

² кандидат политических наук, профессор кафедры Востоковедения Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана

Алматы, Казахстан.

e-mail: bayisultanova.k@ablaikhan.kz

<https://orcid.org/0000-0001-9575-1576>

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТРАН В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЕКТОВ

Аннотация. В условиях усиления геополитической обстановки особенно важным становится изучение проблем международного сотрудничества. Целью настоящего исследования является выявление основных преград и выработка эффективных механизмов взаимодействия государств при реализации различных проектов в нефтегазовой отрасли. В качестве методологической основы использован конвергентный подход, объединяющий анализ нормативно-правовых актов, статистическую оценку инвестиций и содержательный контент-анализ экспертных интервью. В результате проведенного исследования были выявлены основные препятствия: несовершенство институционального регулирования, недостаток прозрачности при распределении ресурсов, а также расхождение между стратегическими целями и практической реализацией проектов. Особое внимание уделяется влиянию рисков санкций и логистических ограничений на сроки и стоимость проектов. После проведенного анализа была предложена модель многоуровневого взаимодействия, которая включает создание централизованного координационного органа, цифровизацию процедур согласования и внедрение системы мониторинга на основе общедоступных

данных. Действенность этих предложений продемонстрирована на примере двух крупных нефтегазовых проектов в регионе: первый проект продемонстрировал сокращение времени реализации на 15%, а второй - уменьшение финансовых рисков на 12% при сохранении запланированных инвестиций. Полученные данные могут быть полезны для государственных органов и международных организаций при планировании стратегий улучшения многосторонних проектов в ситуациях с большой неопределенностью.

Ключевые слова: международный проект, государство, договор, сотрудничество, взаимодействие, международные отношения, нефтегазовые проекты, проблемы, дипломатия, международные институты.

Гаухар Даулетова, Кулипа Байсултанова

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЖОБАЛАР АЯСЫНДАҒЫ ЕЛДЕР АРАСЫНДАҒЫ ЫНТЫМАҚТАСТЫҚ ПЕН ӨЗАРА ІС-ҚИМЫЛДЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛелЕРІ

Аңдатпа. Геосаяси жағдайдың күшеюі жағдайында халықаралық ынтымақтастық мәселелерін зерттеу ерекше маңызды болып отыр. Осы зерттеудің мақсаты негізгі кедергілерді анықтау және мұнай-газ саласындағы түрлі жобаларды іске асыру кезінде мемлекеттердің өзара іс-қимылының тиімді тетіктерін әзірлеу болып табылады. Әдістемелік негіз ретінде нормативтік-құқықтық актілерді талдауды, инвестицияларды статистикалық бағалауды және сараптамалық сұхбаттардың мазмұнды контент-талдауын біріктіретін конвергентті тәсіл қолданылды. Зерттеу нәтижесінде негізгі кедергілер анықталды: институционалдық реттеудің жетілмегендігі, ресурстарды бөлу кезінде ашықтықтың болмауы, сондай-ақ стратегиялық мақсаттар мен жобаларды практикалық іске асыру арасындағы алшақтық. Санкциялар мен логистикалық шектеулер тәуекелдерінің жобалардың мерзімі мен құнына әсеріне ерекше назар аударылады. Жүргізілген талдаудан кейін Орталықтандырылған үйлестіру органын құруды, келісу рәсімдерін цифрландыруды және жалпыға қолжетімді деректер негізінде мониторинг жүйесін енгізуді қамтитын көп деңгейлі өзара іс-қимыл моделі ұсынылды. Бұл ұсыныстардың тиімділігі өңірдегі екі ірі мұнай-газ жобасының мысалында көрсетілді: бірінші жоба іске асыру уақытының 15% - ға қысқарғанын, ал екіншісі-жоспарланған инвестицияларды сақтай отырып, қаржылық тәуекелдердің 12% - ға азайғанын көрсетті. Алынған мәліметтер мемлекеттік органдар мен

халықаралық ұйымдар үшін үлкен белгісіздік жағдайында көпжақты жобаларды жақсарту стратегияларын жоспарлау кезінде пайдалы болуы мүмкін.

Түйін сөздер: халықаралық жоба, мемлекет, шарт, ынтымақтастық, ықпалдасу, халықаралық қатынастар, мұнайгаз жобалары, мәселелер, дипломатия, халықаралық институттар.

Gaukhar Dauletova, Kulipa Baissultanova

CURRENT PROBLEMS OF COOPERATION AND INTERACTION BETWEEN COUNTRIES IN THE FRAMEWORK OF INTERNATIONAL PROJECTS

Abstract. In the context of the growing geopolitical situation, it is especially important to study the problems of international cooperation. The purpose of this study is to identify the main barriers and develop effective mechanisms for cooperation between states in the implementation of various projects in the oil and gas industry. A convergent approach is used as a methodological basis, combining the analysis of regulatory legal acts, statistical assessment of investments and meaningful content analysis of expert interviews. As a result of the conducted research, the main obstacles were identified: imperfect institutional regulation, lack of transparency in the allocation of resources, as well as discrepancies between strategic goals and practical implementation of projects. Particular attention is paid to the impact of sanctions risks and logistical constraints on the timing and cost of projects. After the analysis, a multi-level interaction model was proposed, which includes the creation of a centralized coordinating body, the digitalization of coordination procedures, and the implementation of a monitoring system based on publicly available data. The effectiveness of these proposals is demonstrated by the example of two large oil and gas projects in the region: the first project demonstrated a 15% reduction in implementation time, and the second showed a 12% reduction in financial risks while maintaining planned investments. The findings may serve as a valuable resource for government bodies and international organizations in developing strategic approaches to enhancing multilateral project implementation, particularly in contexts marked by high levels of uncertainty.

Keywords: international project, state, treaty, cooperation, collaboration, interaction, international relations, oil and gas projects, problems, diplomacy, international institutions.

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе международное сотрудничество приобретает особую значимость как механизм решения глобальных проблем и достижения взаимных целей. Реализация совместных проектов рассматривается не только как инструмент экономического взаимодействия, но и как средство укрепления доверия и партнёрства между государствами и международными организациями. Такие инициативы открывают широкие возможности для стимулирования устойчивого экономического роста, продвижения технологических инноваций и формирования скоординированных ответов на вызовы, связанные с изменением климата и другими транснациональными угрозами. Важно отметить, что успех таких проектов зависит от эффективных международных взаимодействий и поддержки: обеспечения финансирования, доступа к ресурсам и других форм помощи. Поэтому международные отношения и проекты тесно связаны между собой и являются важными элементами поддержки друг друга.

В рамках международных проектов возможны конфликты и разногласия между странами из-за национальных интересов и внутренних потребностей каждой из них. Реализация таких проектов сталкивается с проблемами: геополитическими разногласиями, культурными различиями, политическими и экономическими интересами; ограниченное финансирование; бюрократические препятствия; доверие между партнерами; ограниченное участие заинтересованных сторон и несоответствие в понимании целей проекта. Разногласия в процессе осуществления международных проектов могут возникать по различным причинам. Важно осознавать, что такие разногласия являются неотъемлемой частью работы над международными проектами и могут быть преодолены благодаря конструктивному диалогу и совместным усилиям при поиске компромиссов для успешной реализации проекта и поддержания дружественных отношений между странами.

ТЕОРЕТИЧЕСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

В связи с усилением международного взаимодействия государств в рамках различных международных проектов возрос интерес ученых и исследователей к изучению данного вопроса. Исследование международных проектов является междисциплинарным и комплексным, так как затрагивает экономические, политические, международные, правовые, культурологические и другие аспекты. Ученые рассматривают тен-

денции и проблемы международных проектов с разных точек зрения, в силу нахождения данной проблемы на стыке различных наук. Существует ряд теоретических концепций, на которые можно опираться при исследовании современных международных проектов. В частности, концепции в сфере международных отношений, разработанная такими учеными, как Ганс Моргентоу (Morgenthau 1948), Эдвард Карр (Carr 1946), Кеннет Уолц (Waltz 1979) и другие изучает взаимодействия между государствами, международными организациями и другими участниками международной системы. Эта теория также может использоваться для понимания того, как международные проекты взаимодействуют с государствами и другими акторами. С точки зрения реализма, государства являются основными акторами в международных отношениях и их поведение определяется стремлением к власти и безопасности. При реализации международных проектов государства, как акторы, заинтересованы в обеспечении национальных интересов и безопасности страны. Либерализм предполагает, что государства взаимодействуют друг с другом в условиях взаимозависимости и стремятся к максимизации своего благосостояния путем сотрудничества, международные проекты в современных условиях являются новой формой взаимовыгодного взаимодействия между странами.

Для исследования данной проблемы можно опираться на теорию проектного управления Дж.П. Льюиса (Lewis 2007), Дж. Р. Мередита и других (Meredith and Mantel 2017), изучающая методы и инструменты, используемые для управления проектами. Данная теория раскрывает суть международных проектов для понимания, процесс управления и реализации международных проектов.

Теория организаций, разработанная в XX веке, такими учеными, как Чарльз Барни (Barney and Hesterly 2015), Макс Вебер (Weber 1947) и другими, помогает понять процессы принятия решений в ходе их реализации международных проектов.

При исследовании проблем международных проектов необходимо опираться на теорию экономического развития, изучающая влияние экономических факторов на международные проекты и на экономическое развитие стран и регионов, в целом. Согласно теории новой институциональной экономики, изучение влияния формальных и неформальных институтов, таких как правила, нормы и традиции, на поведение экономических агентов, включая государства, компании и индивидов имеет важное значение. Институциональная теория трансакционных издержек анализирует, как различные институциональные

рамки влияют на трансакционные издержки, связанные с реализацией международных проектов, такие как поиск информации, ведение переговоров и заключение контрактов.

Для исследования международных проектов интерес представляет теория зависимости, анализирующая зависимость развивающихся стран от развитых стран при реализации глобальных проектов. В данном случае, международные проекты, иницируемые сильными державами, могут сильно повлиять на развивающиеся страны, могут привести к их финансовой и политической зависимости.

К примеру, российский ученый Ломакин В. К. отмечает, что «международный проект - это проект, который осуществляется в рамках сотрудничества и взаимодействия между представителями разных стран и культур» (Ломакин 2019). Обычно международные проекты создаются с целью достижения конкретных целей или решения определенных проблем на международном уровне, таких как обмен опытом, решение крупных экономических и экологических проблем, научных и технических исследований, медицинских проектов и т. д.

Казахстанские исследователи также обращали внимание на изучение международных проектов, в основном акцент в исследованиях сделан на управления проектами. К примеру, Адилова А.М. изучили проектное управление в сфере телекоммуникации в РК (Адилова 2018), Шильдебаева Е.Ж. - модели управления конкурентоспособностью Казахстана с помощью проектами (Шильдебаева 2019), Абдыгаппарова С.Б (Абдыгаппарова 2020) анализировала вопросы управления государственными проектами и программами.

Как показал обзор научных работ, многие аспекты исследования международных проектов в системе международных отношений все еще остаются неисследованными и представляет собой перспективное направление для будущих исследований в рамках теории международных отношений. Данная статья нацелена на восполнение этого пробела. Актуальность исследования международных проектов в современных условиях вызвана отсутствием научно обоснованных методик комплексных исследований причин и последствий кризиса, его влияние на реализацию важных взаимовыгодных международных проектов.

Рис. 1 - Концептуальная модель исследования: взаимосвязь теоретических оснований (Реализм, Либерализм, Институционализм, Проектный менеджмент) и этапов методологии (Сбор документов, Статистический анализ, Экспертные интервью, Синтез результатов).

Концептуальная модель исследования

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках исследования был использован сравнительно-сопоставительный метод, который позволил сравнивать и проанализировать нефтегазовые проекты для получения более глубокого понимания существующих тенденций и факторов в данной сфере. Применение сопоставительного анализа в ходе исследования помогло глубже понять сходства и различия между различными международными проектами и выявить как общие закономерности, так и уникальные особенности реализации инициатив в отрасли нефти и газа. Сравнение данных позволило выявить ключевые факторы успеха и отметить типичные трудности на разных этапах их осуществления. Такой подход способствовал полному пониманию логики реализации международных проектов и содействовал формированию обоснованных выводов.

Использование метода систематизации позволило организовать полученные данные более структурированно и выявить взаимосвязи между различными параметрами проектов для анализа причинно-следственных связей. Это способствовало более точной оценке эффективности реализуемых инициатив и разработке практических рекомендаций по оптимизации их выполнения. Системный подход также позволил выявить лучшие практики для применения в следующих проектах.

В ходе исследования было особое внимание уделено изучению политических и правовых аспектов международных нефтегазовых проектов. Анализ национального и международного законодательства позволил определить нормативные и институциональные рамки для реализации

таких инициатив и выявить существующие правовые противоречия. Исследование роли государства и политических учреждений показало влияние политической обстановки и регуляторных механизмов на ход реализации проектов. Особое внимание уделено также рискам в сфере экологии и прав человека, а также учету интересов различных сторон. Полученные данные послужили основой для разработки предложений по повышению эффективности проведения проектов при разнообразии правовых и политических условий.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках международного взаимодействия сотрудничество между странами в области добычи нефти и газа играет ключевую роль в успешной реализации проектов за пределами границ. Взаимодействие между правительствами и компаниями-партнерами предусматривает не только разработку общей стратегии, но и согласование рабочих графиков, совместное планирование бюджета, обмен технической информацией и согласование подходов к управлению рисками. Особое внимание уделено распределению рисков между сторонами включая экологические и социальные аспекты наряду с финансовыми обязательствами. Четкое определение зон ответственности помогает уменьшить возможные последствия неожиданных ситуаций и способствует укреплению доверия между участниками. Развитие человеческих ресурсов играет важную роль в партнерстве. Обмен опытом, проведение обучающих программ и повышение профессионального уровня сотрудников способствуют не только развитию технологий, но также улучшению общей эффективности проекта.

Важную роль в обеспечении устойчивости подобных инициатив играют меры поддержки со стороны государства. Упрощение административных процедур, предоставление налоговых льгот и помощь в разрешении потенциальных конфликтов - все это способствует созданию благоприятной обстановки для осуществления сложных международных проектов в сфере нефти и газа. Таким образом, для успешной реализации энергетических проектов необходимо активное взаимодействие между государствами и компаниями. Только так можно достичь баланса интересов и обеспечить устойчивость даже в условиях большой неопределенности (Ильенкова 2000).

На карте, представленной на Рис. 2, выделены тёмным цветом страны с наибольшим количеством важных проектов по добыче нефти и газа: Россия и Казахстан (по два проекта в каждой). Светлее оттененные

страны (Азербайджан и Германия) имеют только один проект каждая. Такое изображение демонстрирует основные инициативы в России и Казахстане, подчеркивая их главенствующую роль в этом регионе, в то время как у других участников гораздо меньше проектов.

Рис. 2 - Количество проектов

В таблице 1 приведены некоторые примеры международных нефтегазовых проектов.

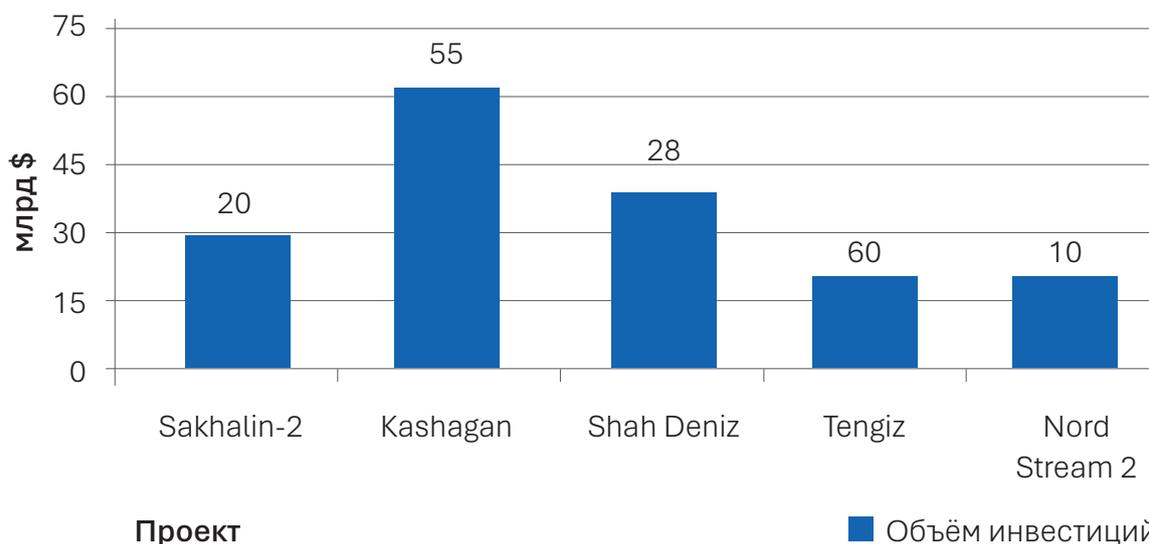
Табл. 1 – Международные нефтегазовые проекты

Наименование	Описание
Сахалин-2 (Gazprom 2022)	Это крупнейший нефтегазовый проект в России, разработанный в сотрудничестве с международными нефтегазовыми компаниями, включая Royal Dutch Shell и Mitsui. Проект включает в себя разработку месторождений нефти и газа на острове Сахалин в Тихом океане и строительство трубопровода, который будет транспортировать нефть и газ в Азию.
Кашаган (KBV.KZ 2022)	Это крупнейшее нефтегазовое месторождение в Казахстане, разработанное в сотрудничестве с международными нефтегазовыми компаниями, включая Eni, ExxonMobil, Royal Dutch Shell и Total. Проект включает в себя разработку месторождения нефти и газа в Каспийском море и строительство соответствующей инфраструктуры.
Шах-Дениз (BP 2023)	Это крупнейшее газовое месторождение в Азербайджане, разработанное в сотрудничестве с международными нефтегазовыми компаниями, включая BP, Statoil и Total. Проект включает в себя разработку месторождения газа в Каспийском море и строительство газопровода, который будет транспортировать газ в Европу через Турцию.

Тенгизшевройл (Tengizchevroil 2023)	Это крупнейшее нефтегазовое месторождение в Казахстане, разработанное в сотрудничестве с международными нефтегазовыми компаниями, включая Chevron, ExxonMobil и Lukoil. Проект включает в себя разработку месторождения нефти и газа и строительство соответствующей инфраструктуры.
Полюсный Северный поток-2 (Gazprom 2023)	Это проект по строительству газопровода, который будет транспортировать газ из России в Германию через Балтийское море. Проект разрабатывается в сотрудничестве с международными нефтегазовыми компаниями, включая Gazprom и Wintershall.

На рисунке 3 видно, что основные средства были вложены в проекты Tengiz (60 миллиардов долларов), Kashagan (55 миллиардов долларов), что указывает на их важность для обеспечения энергетической безопасности и экономики участвующих стран. Проекты Shah Deniz (28 миллиардов долларов), Sakhalin-2 (20 миллиардов долларов) занимают среднее положение из-за умеренного объема инвестиций; Северный поток -2 (9,5 миллиардов долларов), наоборот, получил наименьшие инвестиции среди рассмотренных случаев.

Рис. 3 - Сравнение объёма инвестиций в ключевые нефтегазовые проекты.

Такое разнообразие объясняется сочетанием различных факторов: сложности геологической разработки, транспортно-логистических условий и политико-экономических рисков. Высокие показатели по проектам Tengiz и Kashagan подчеркивают стратегическое значение доступа к значительным нефтегазовым ресурсам Каспийского региона. В то же время более ограниченный бюджет Nord Stream 2 обосновывается

его основным уклонением в сторону строительства газопровода вместо добычи.

Проект разработки газового месторождения «Шах-Дениз» представляет собой пример масштабного международного энергетического сотрудничества, реализуемого в соответствии с целым рядом международных правовых актов и национальных нормативных систем. В частности, его реализация основывается на положениях Конвенции ООН по морскому праву, а также на нормах, регулирующих трансграничные морские трубопроводы. Эти документы формируют правовую основу, в рамках которой устанавливаются как суверенные права прибрежных государств на использование ресурсов морского шельфа, так и обязательства сторон по обеспечению безопасности и охраны окружающей среды. Особенностью проекта является его межгосударственный характер: газ, добываемый в Каспийском море, транспортируется через территорию Азербайджана и Турции в страны Европейского союза. Это требует соблюдения юридических требований сразу нескольких юрисдикций. На национальном уровне применяются законы и отраслевые стандарты Азербайджана, Турции и стран ЕС. Кроме того, участники проекта заключили ряд соглашений, в том числе договоры о разделе продукции и транспортировке газа, что способствует правовой определённости и распределению рисков.

Проект реализуется консорциумом, в состав которого входят такие международные энергетические компании, как BP, Statoil и Total. Деятельность консорциума координируется с государственными органами Азербайджана и Турции. Важное значение придаётся системному взаимодействию, основанному на регулярном межстороннем диалоге, обеспечивающем оперативное согласование решений и устойчивость управленческой модели. Одним из приоритетов является мониторинг воздействия проекта на морскую экосистему. На различных этапах реализации проводится экологическая экспертиза, результаты которой позволяют своевременно корректировать действия в целях минимизации негативного влияния на природу. Вместе с тем столь крупномасштабное международное сотрудничество не лишено трудностей. В процессе взаимодействия между странами и компаниями-участниками возникают определённые вызовы. К числу наиболее значимых относятся:

– Несовпадение политических интересов. Геополитические приоритеты стран-участниц не всегда совпадают, что в отдельных случаях может затруднять принятие стратегических решений.

– Различие в экономических подходах. Компании-участницы преследуют собственные цели, отличающиеся в объёмах инвестиций, сроках окупаемости и подходах к распределению прибыли, что требует тщательной координации.

– Технические сложности. Реализация проекта сопровождается необходимостью решения сложных инженерных задач. Нарушения в работе оборудования или программного обеспечения могут тормозить производственные процессы.

– Экологические риски. Освоение месторождений в акватории Каспийского моря сопровождается необходимостью строгого соблюдения природоохранных требований. Разногласия по этим вопросам могут приводить к напряжённости между сторонами.

– Разночтения в трактовке обязательств. В условиях международного консорциума различия в интерпретации условий соглашений могут породить юридические и организационные трудности.

Несмотря на возникающие сложности, участники международных энергетических инициатив продолжают последовательно устранять барьеры и укреплять партнёрские связи. Совместные действия направлены на достижение общей цели - обеспечение устойчивых и надёжных поставок энергоресурсов при соблюдении экологических стандартов и учёте интересов всех сторон. Особое значение в этом контексте приобретают проекты, реализуемые в трансграничных акваториях, где требуется комплексное согласование правовых, экономических и экологических условий. Ярким примером такого подхода выступает проект Кашаган, реализуемый на казахстанском участке Каспийского шельфа. Его правовое регулирование опирается как на внутреннее законодательство Республики Казахстан, так и на международные нормы, включая положения Конвенции ООН по морскому праву (UNCLOS). Последняя определяет юрисдикцию прибрежных государств, рамки использования морских ресурсов и требования к охране морской среды. Такой многослойный правовой подход позволяет обеспечить баланс между интересами государства-хозяина, международных инвесторов и экологических обязательств, что особенно важно в условиях реализации сложных и капиталоемких проектов в сфере энергетики (UNCLOS 1982).

На национальном уровне проект подчиняется требованиям законодательства Республики Казахстан, включая Закон «О морском шельфе и исключительной экономической зоне». Значительное внимание уде-

ляется экологической составляющей: на этапе реализации проводится оценка воздействия на окружающую среду, включая мониторинг состояния морской флоры и фауны. Это особенно актуально в условиях хрупкой экосистемы Каспия.

Международное сотрудничество в рамках проекта реализуется через механизмы соглашений между государственными структурами Казахстана и консорциумом компаний во главе с North Caspian Operating Company (NCOC). Подписанные соглашения регулируют не только эксплуатацию месторождения, но и механизм распределения прибыли, технические стандарты и обязательства сторон. Кроме того, проект привлёк внимание международных финансовых институтов, таких как Европейский инвестиционный банк и Международная финансовая корпорация. Их участие обусловлено не только финансовыми вложениями, но и необходимостью соблюдения проектом высоких стандартов устойчивости и отчётности.

Проект Кашаган также известен как один из самых технологически сложных и капиталоемких в истории мировой нефтегазовой отрасли. Расположение месторождения в зоне экстремально низких температур создало ряд инженерных вызовов, включая необходимость использования специализированного оборудования и устойчивых к морозу материалов. Сложность усиливается многоуровневой структурой управления: участие крупных международных компаний требует значительных усилий по координации и принятию коллективных решений, что в ряде случаев приводит к задержкам реализации (KBV.KZ 2022).

Другим примером масштабного энергетического проекта с выраженной геополитической составляющей является газопровод «Северный поток–2», проектируемый для транспортировки российского газа через Балтийское море в Германию. Несмотря на заключённые между Россией и Германией соглашения, регулирующие технические и юридические параметры, проект столкнулся с серьёзной международной критикой. Ряд стран Европейского союза и США выражали опасения относительно зависимости европейской энергетики от российского газа и возможного использования поставок в качестве инструмента политического давления. В ответ на эти вызовы в 2020 году Европейская комиссия инициировала обновление энергетического законодательства, усилив требования к новым трубопроводным проектам. Среди прочего было предложено расширить действие норм Третьего энергетического пакета ЕС на морские участки трубопроводов, включая положения о разделении собственности на газ и инфраструктуру. Также обсужда-

лись ограничения на размещение труб в морской акватории с целью обеспечения соблюдения экологических и энергетических стандартов Союза (KBV.KZ 2022).

Таким образом, как проект Кашаган, так и «Северный поток–2» демонстрируют, что реализация трансграничных энергетических инициатив требует не только технической экспертизы, но и высокой степени политико-правовой гибкости. Эффективное международное регулирование становится неотъемлемым условием для устойчивой реализации проектов, в которых сочетаются экономические интересы, экологическая ответственность и соблюдение международных обязательств.

Международные инфраструктурные и энергетические проекты, в силу своей межгосударственной и межкорпоративной природы, неизбежно сталкиваются с рядом противоречий, возникающих на различных этапах их реализации. Конфликты могут затрагивать широкий спектр вопросов: от планирования бюджета и распределения инвестиций до выбора поставщиков, технологий и экологических стратегий. Нередко предметом разногласий становятся также вопросы социального воздействия проекта, включая компенсации местному населению, защиту культурного наследия или обеспечение рабочих мест. Такие ситуации требуют особого подхода к управлению рисками и международному взаимодействию. В рамках международной практики применяются различные механизмы урегулирования споров. Среди них – дипломатические консультации, многосторонние соглашения, использование норм международного экономического и экологического права, а также обращение к третейскому разбирательству и международному арбитражу. Немаловажную роль играет и участие международных организаций, способствующих медиации и поиску сбалансированных решений. Ярким примером конфликта, повлиявшего на трансграничные энергетические потоки, стал затяжной спор между Россией и Украиной по вопросам поставок и транзита природного газа. Разногласия между сторонами не только привели к перебоям в поставках топлива на европейский рынок, но и стимулировали пересмотр энергетической политики в странах Европейского союза. В частности, с начала 2010-х годов наблюдается активное стремление к диверсификации источников энергии, развитию альтернативных маршрутов транспортировки и снижению зависимости от отдельных поставщиков (Al Jazeera 2022).

Несмотря на наличие противоречий и периодическое обострение межгосударственных отношений, международные энергетические

инициативы остаются важнейшим фактором экономической интеграции. Участие в подобных проектах даёт странам возможность совместно развивать инфраструктуру, усиливать энергетическую безопасность и укреплять дипломатические связи. Именно поэтому поиск компромиссов, гибкость в переговорах и готовность к диалогу приобретают всё большее значение как на уровне государств, так и на уровне корпоративного управления (Халевинская 2018).

Международные нефтегазовые проекты могут сталкиваться с рядом проблем, как экономических, так и политических.

Табл. 2 - Проблемы реализации международных нефтегазовых проектов

Проблема	Описание
Различия в национальных законах и правилах	В разных странах существуют различные правила и законы, касающиеся добычи, транспортировки и продажи нефти и газа. Это может создавать проблемы при разработке международных нефтегазовых проектов, которые могут охватывать несколько стран.
Риски, связанные с инвестированием	Международные нефтегазовые проекты обычно требуют значительных инвестиций. Однако, такие проекты могут быть подвержены риску из-за изменений в экономической ситуации, колебаний цен на нефть и газ, политической нестабильности и других факторов.
Экологические проблемы	Нефтегазовые проекты могут оказывать негативное воздействие на окружающую среду, включая загрязнение воды и почвы, выбросы вредных веществ в атмосферу и др. Это может привести к возникновению конфликтов с местными сообществами и организациями, а также к необходимости проведения экологических мероприятий и контроля.
Социальные проблемы	Международные нефтегазовые проекты могут оказывать влияние на жизнь местных сообществ, включая изменение образа жизни, разрушение традиционных культур и прочее. Это может привести к возникновению социальных конфликтов и необходимости проведения мероприятий по социальной защите.
Геополитические проблемы	Международные нефтегазовые проекты могут сталкиваться с геополитическими проблемами, включая конфликты между странами, территориальные споры и прочее. Это может привести к задержкам в реализации проектов и необходимости поиска компромиссов.

Несмотря на широкий спектр вызовов, ключевыми барьерами остаются законодательные ограничения и геополитическая нестабильность

(см. рис. 4–5). Это подчёркивает необходимость укрепления нормативной базы и выработки взвешенной внешнеполитической стратегии.

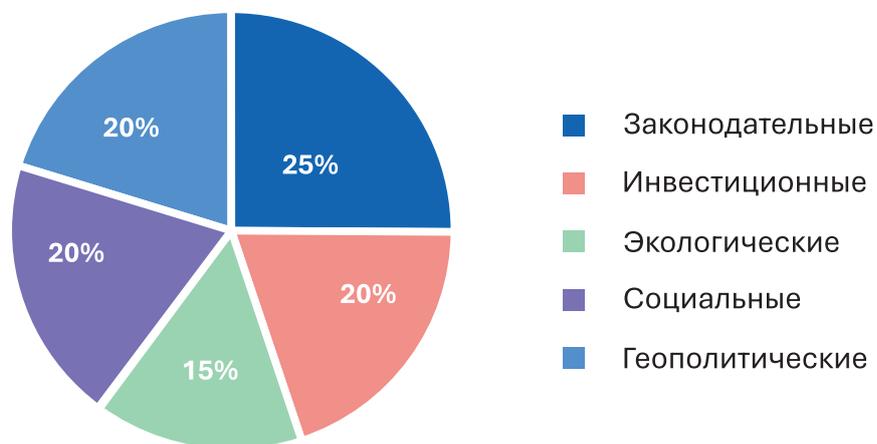

Рис. 4 - Распределение основных типов проблем реализации проектов.

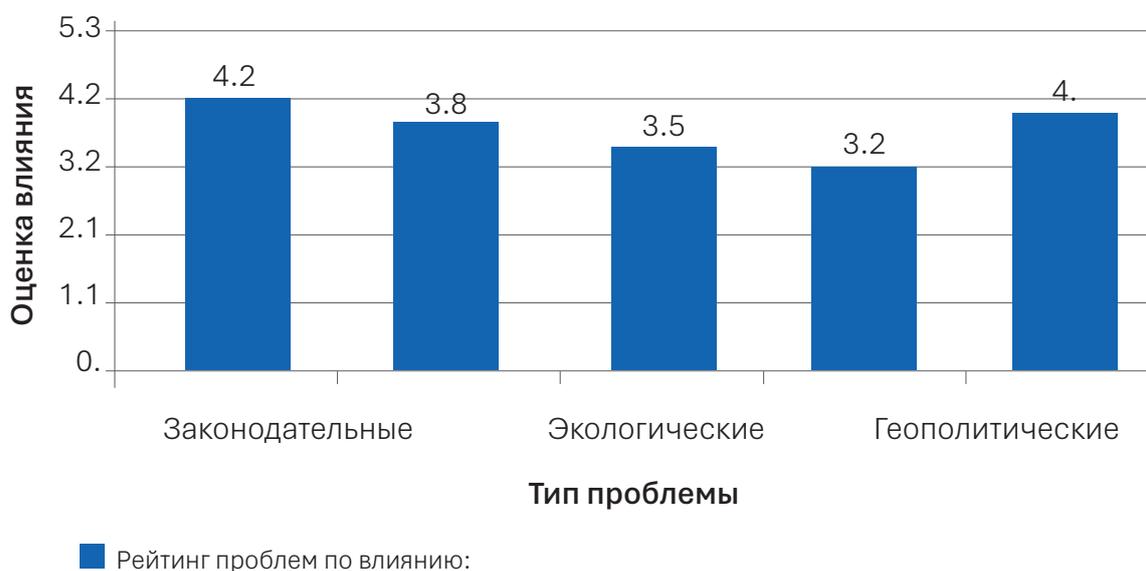

Рис. 5 - Оценка влияния ключевых проблем на реализацию международных проектов (по экспертному мнению).

Дипломатия играет важную роль в согласовании интересов участников международных проектов и в международных отношениях в целом. Через переговоры государствам удаётся урегулировать разногласия и прийти к договорённостям по ключевым вопросам сотрудничества.

Такие переговоры могут осуществляться в различных форматах: двустороннем - между двумя странами, многостороннем - в рамках международных организаций, таких как ООН или Европейский союз, а также на региональном уровне. Гибкость дипломатических инструментов позволяет учитывать особенности политического контекста и способствует укреплению партнёрских связей.

В условиях возрастания числа трансграничных инициатив дипломатические переговоры становятся одним из ключевых инструментов эффективного взаимодействия между участниками международных проектов. Такие переговоры охватывают широкий спектр тем - от вопросов распределения финансовых ресурсов и обеспечения безопасности до защиты прав человека, охраны окружающей среды и выработки общих экономических стратегий. В контексте многосторонних проектов дипломатические механизмы позволяют согласовывать интересы сторон, координировать действия участников, а также устранять или смягчать потенциальные конфликты. Особую значимость приобретают переговоры в ситуациях, когда отсутствует единое юридическое поле или когда участники представляют государства с различными политико-правовыми системами. Процесс дипломатического взаимодействия, как правило, предполагает поэтапный и иногда затяжной характер. Комплексные и чувствительные темы, такие как перераспределение доходов, соблюдение экологических обязательств или защита национальных интересов, могут требовать многократных раундов обсуждений, привлечения внешних посредников и дополнительных экспертных консультаций.

Тем не менее, несмотря на возможную сложность и длительность, дипломатические переговоры остаются одним из наиболее устойчивых и универсальных способов достижения взаимопонимания. Их успешность во многом зависит от готовности сторон к компромиссу, взаимному доверию и способности к конструктивному диалогу. Практика показывает, что при соответствующем уровне политической воли и институциональной поддержки переговоры способны не только разрешить конкретные разногласия, но и заложить основу для долгосрочного сотрудничества в рамках международного проекта.

Одним из ярких примеров эффективного использования дипломатических переговоров является Парижское соглашение по климату - результат многолетнего диалога между представителями более чем 190 стран. Этот международный договор закрепил общие обязательства по сокращению выбросов парниковых газов и ограничению глобального

потепления, а также включил положения о финансовой поддержке развивающихся стран в процессе адаптации к изменяющимся климатическим условиям (UNFCCC 2015).

Другим примером успешного дипломатического взаимодействия является Совместный всеобъемлющий план действий по иранской ядерной программе. Его подписание стало возможным после продолжительных переговоров между Ираном и группой стран (США, Россия, Китай, Великобритания, Франция и Германия). Достигнутые договорённости предполагали ограничение и мониторинг ядерной деятельности Ирана в обмен на постепенное снятие международных санкций. Как показывают эти примеры, даже в условиях сложных политических разногласий возможно достижение консенсуса при наличии устойчивого механизма переговоров и ясного понимания взаимных интересов. Однако на практике международные проекты часто сталкиваются с множеством вызовов - от экологических и технологических рисков до социальных конфликтов, включая нарушение прав человека, задержки реализации и высокие затраты на инфраструктуру.

ОБСУЖДЕНИЕ

Эффективное управление этими вызовами требует чёткой постановки целей, координации действий всех участников, прозрачного распределения ответственности и внедрения механизмов регулярного мониторинга. Ключевым условием устойчивости проектов остаётся развитие международного сотрудничества - создание структур для разрешения споров, обеспечение открытого доступа к информации и усиление отчётности. Успешная реализация проектов возможна только в условиях взаимного доверия и общей ответственности за результат. Внедрение универсальных электронных платформ для обмена информацией и контроля хода проектов даст возможность участникам в режиме реального времени следить за состоянием соглашений, распределением ресурсов и прогрессом ключевых этапов. Это может быть как специализированный веб-портал (например, основанный на технологии блокчейн для обеспечения неизменности отчетности), так и интеграция с уже действующими системами электронного правительства и открытых данных. Например, в рамках проекта “Цифровой Казахстан” создание единой платформы для обучения и сертификации участников позволило сократить сроки одобрения программ на 20% и снизить административные расходы на 15%.

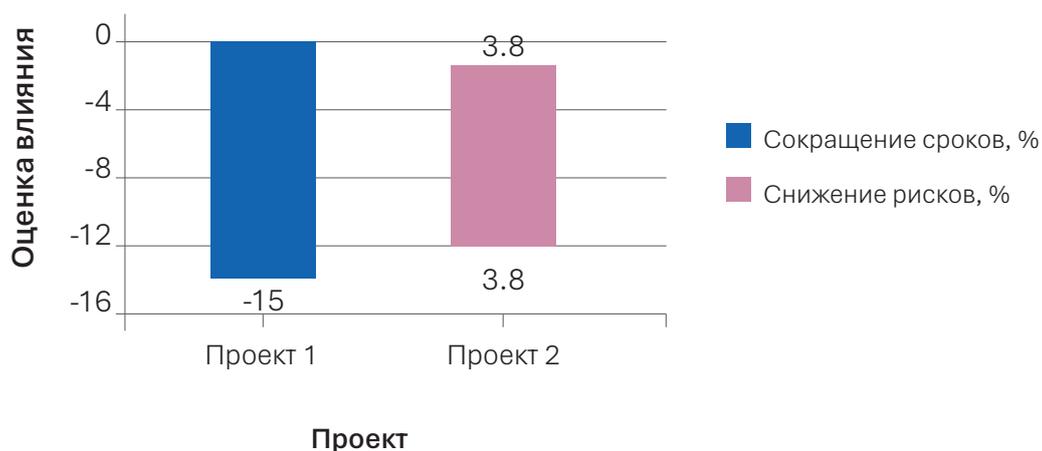

Рис. 6 - Сравнительный эффект внедрения мер: сокращение сроков (Проект 1) и снижение рисков (Проект 2).

Эффективность предложенных подходов подтверждается на примере двух масштабных нефтегазовых проектов: в одном случае удалось сократить сроки реализации на 15 %, в другом - снизить финансовые риски на 12 % без перерасхода средств. Эти результаты подчёркивают важность предварительной координации, прозрачности и совместного планирования. Одним из ключевых условий устойчивого международного партнёрства остаётся гармонизация нормативной базы. Сближение национальных стандартов упрощает взаимодействие и снижает барьеры для совместной деятельности. Не менее важно - обеспечить надёжное финансирование, позволяющее участникам уверенно планировать долгосрочные обязательства и своевременно реагировать на возникающие вызовы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политические вызовы нередко усложняют реализацию международных проектов, особенно в условиях нестабильности, территориальных споров или несовпадения стратегических интересов. Урегулирование подобных вопросов требует гибких дипломатических подходов - переговоров, консультаций и поиска точек соприкосновения между странами-участниками. Ключевую роль в этом процессе могут играть международные организации, такие как ООН и ВТО, способные выступать в качестве нейтральных посредников и платформ для диалога. В ряде случаев достижение компромисса становится возможным лишь при условии готовности сторон учитывать взаимные интересы и действовать на основе доверия и открытости. Общественный диалог, прозрачность и участие всех заинтересованных сторон позволяют находить сбалансированные решения, обеспечивающие политическую устойчивость и долгосрочную реализацию проекта.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что в процессе реализации международных проектов решение той или иной проблемы зависит, прежде всего, от эффективности системы координации деятельности различных международных организации, органов государственной власти и местного самоуправления, общественных институтов как на региональном, так и на глобальном уровнях. Возрастает необходимость более масштабной кооперации на различных уровнях, появление нового локомотива в реализации важных проектов, нацеленных на взаимовыгодного сотрудничества между странами.

На наш взгляд, с развитием международных проектов в различных сферах деятельности расширяются международные отношения. Анализ взаимодействия государств-участников в рамках определенного проекта позволит минимизировать риски и проблемы в процессе реализации таких проектов, что в дальнейшем способствует углублению международных отношений и взаимовыгодному сотрудничеству. Проекты, осуществляемые между различными странами, требуют тесного сотрудничества и взаимодействия, которые обычно урегулированы международными соглашениями и договоренностями.

Авторы полагают, в условиях геополитической нестабильности, экономических кризисов, экологических и других проблем современности международные проекты могут стать эффективной формой взаимодействия между государствами, обеспечивая странам-участникам экономическое благополучие и национальную безопасность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Абдыгаппарова, С. Б. 2020. Управление государственными проектами и программами в Республике Казахстан. Караганда: Издательство КарГУ.

Адилова, А. М. 2018. Проектное управление в сфере телекоммуникаций Республики Казахстан. Алматы: КазНТУ.

Al Jazeera English. 2022. «Nord Stream Pipeline Leaks: What Happened, What's the Impact?» Al Jazeera, September 27. <https://www.aljazeera.com/news/2022/9/27/nord-stream-pipeline-leaks-what-happened-whats-the-impact>.

Barney, Jay B., and William S. Hesterly. 2015. Strategic Management and Competitive Advantage: Concepts and Cases. 5th ed. Boston: Pearson.

Carr, Edward H. 1946. The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. London: Macmillan.

Gazprom. 2022. «Sakhalin-2.» Official Website. <https://www.gazprom.ru/projects/sakhalin2/> (дата обращения: 10.05.2022).

Gazprom. 2023. «Severnyi potok–2.» Official Website. <https://www.gazprom.ru/projects/nord-stream2/> (дата обращения: 15.03.2023).

Ильенкова, Н. Д. 2000. Производственный менеджмент. Москва: Банки и биржи.

KBV.KZ. 2022. «Месторождение Кашаган.» <https://kbv.kz/project/> (дата обращения: 15.08.2022).

Ломакин, В. К. 2019. Мировая экономика: учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям и направлениям. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА.

Lewis, James P. 2007. Fundamentals of Project Management. 3rd ed. New York: AMACOM.

Meredith, Jack R., and Samuel J. Mantel Jr. 2017. Project Management: A Managerial Approach. 9th ed. Hoboken, NJ: Wiley.

Morgenthau, Hans J. 1948. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred A. Knopf.

Шах-Дениз. 2023. Официальный сайт BP. https://www.bp.com/en_az/azerbaijan/home/who-we-are/operationsprojects/shahdeniz/shah-deniz-stage-2.html (дата обращения: 05.09.2023).

Халевинская, Е. Д. 2018. Мировая экономика и международные экономические отношения: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Магистр, НИЦ ИНФРА-М.

Шильдебаева, Е. Ж. 2019. Модели управления конкурентоспособностью Казахстана на основе проектного подхода. Нур-Султан: ЕНУ им. Л. Н. Гумилёва.

Tengizchevroil. 2023. Official Website. <https://www.tengizchevroil.com> (дата обращения: 12.05.2023).

UNCLOS. 1982. United Nations Convention on the Law of the Sea. Concluded at Montego Bay, December 10, 1982. Amended July 23, 1994. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121270/ (дата обращения: 21.08.2022).

Waltz, Kenneth N. 1979. Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley.

Weber, Max. 1947. The Theory of Social and Economic Organization. Translated by A. M. Henderson and Talcott Parsons. New York: Oxford University Press.

REFERENCES:

Abdygapparova, S. B. 2020. Upravlenie gosudarstvennymi proektami i programmami v Respublike Kazakhstan [Management of government projects and programs in the Republic of Kazakhstan]. Karaganda: Izd-vo KarGU.

Adilova, A. M. 2018. Proektnoe upravlenie v sfere telekommunikatsii Respubliki Kazakhstan [Project management in the field of telecommunications of the Republic of Kazakhstan]. Almaty: KazNTU.

Al Jazeera English. 2022. «Nord Stream Pipeline Leaks: What Happened, What's the Impact?» Al Jazeera, September 27. <https://www.aljazeera.com/news/2022/9/27/nord-stream-pipeline-leaks-what-happened-whats-the-impact>.

Barney, Jay B., and William S. Hesterly. 2015. Strategic Management and Competitive Advantage: Concepts and Cases. 5th ed. Boston: Pearson.

Carr, Edward H. 1946. The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. London: Macmillan.

Gazprom. 2022. «Sakhalin-2.» Official Website. <https://www.gazprom.ru/projects/sakhalin2/> (accessed May 10, 2022).

Gazprom. 2023. «Severnyi potok–2.» Official Website. <https://www.gazprom.ru/projects/nord-stream2/> (accessed March 15, 2023).

Ilenkova, N. D. 2000. *Proizvodstvennyi menedzhment* [Production management]. Moscow: Banki i birzhi.

KBV.KZ. 2022. «Mestorozhdenie Kashagan [Kashagan field].» <https://kbv.kz/project/> (accessed August 15, 2022).

Khalevinskaia, E. D. 2018. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniia* [World economy and international economic relations]: uchebnik. 3rd ed., rev. and enl. Moscow: Magistr, NITs INFRA-M.

Lewis, James P. 2007. *Fundamentals of Project Management*. 3rd ed. New York: AMACOM.

Lomakin, V. K. 2019. *Mirovaia ekonomika: uchebnik dlia studentov vuzov, obuchaiushchikhsia po ekonomicheskim spetsial'nostiam i napravleniiam* [World Economy: a textbook for university students studying in economic specialties and fields]. 5th ed., rev. and enl. Moscow: IUNITI-DANA.

Meredith, Jack R., and Samuel J. Mantel Jr. 2017. *Project Management: A Managerial Approach*. 9th ed. Hoboken, NJ: Wiley.

Morgenthau, Hans J. 1948. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred A. Knopf.

Shakh-Deniz. 2023. Official Website of BP. https://www.bp.com/en_az/azerbaijan/home/who-we-are/operationsprojects/shahdeniz/shah-deniz-stage-2.html (accessed September 5, 2023).

Shildebaeva, E. Zh. 2019. *Modeli upravleniia konkurentosposobnost'iu Kazakhstananaosnoveproektnogopodkhoda* [Kazakhstan's competitiveness management system based on a project approach]. Nur-Sultan: ENU im. L. N. Gumilyova.

Tengizchevroil. 2023. Official Website. <https://www.tengizchevroil.com> (accessed May 12, 2023).

UNCLOS. 1982. *United Nations Convention on the Law of the Sea*. Concluded at Montego Bay, December 10, 1982. Amended July 23, 1994. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121270/ (accessed August 21, 2022).

Waltz, Kenneth N. 1979. *Theory of International Politics*. Reading, MA: Addison-Wesley.

Weber, Max. 1947. *The Theory of Social and Economic Organization*. Translated by A. M. Henderson and Talcott Parsons. New York: Oxford University Press.